

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение
высшего образования
«ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
Кафедра истории и мировой политики

РЕКОМЕНДОВАНО К ЗАЩИТЕ В ГЭК

И.о. заведующего кафедрой

канд. ист. наук

Г. Р. Суфиянова

2023 г.

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА
магистерская диссертация

НЕКРОПОЛИ В КОНТЕКСТЕ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА ТЮМЕНИ

46.04.01 История

Магистерская программа «Историческая урбанистика»

Выполнил работу
студент 2 курса
очной формы обучения

Кабанов Александр Юрьевич

Научный руководитель
канд. ист. наук, доцент

Костомаров Владимир Михайлович

Рецензент
канд. ист. наук, доцент кафедры
гуманитарных наук и технологий
Тюменского индустриального
университета

Бирюков Артём Александрович

Тюмень
2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ОГЛАВЛЕНИЕ.....	0
ВВЕДЕНИЕ	3
ГЛАВА 1: ПОНЯТИЕ НЕКРОГЕОГРАФИИ И ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЕЙ.....	9
1.1: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ	9
1.2 ПОНЯТИЕ НЕКРОГЕОГРАФИИ	17
ГЛАВА 2: НЕКРОПОЛИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНИ	26
2.1 ГОРОДСКИЕ НЕКРОПОЛИ И ЗАХОРОНЕНИЯ.....	26
2.2. НЕКРОПОЛИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КАРТОГРАФИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ.	34
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	74
БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК	77
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	89

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность и научная значимость. Кладбища и некрополи занимают заметное место в городском пространстве. На сегодняшний день Тюменским некрополям посвящены ряд работ, авторы которых изучают историю возникновения и гибели различных городских захоронений.

Данное исследование рассматривает некрополи как часть городского пространства, Считается, что общественные пространства делают города более пригодными для жизни, здоровыми и социально равными. До сих пор дискуссии об общественных местах в основном вращались вокруг символических типов, таких как площади и парки, тогда как кладбищам уделялось мало внимания. Основываясь на обзоре исследований общественных пространств и исследований кладбищ, анализе стратегий развития кладбищ в городских кладбищах города Тюмени. Одним из основных актуальных вопросов является благоустройство городского пространства. И в том числе актуален вопрос об обнаружении исчезнувших некрополей при застройке новых районов, под жилые кварталы или другие объекты. И в этом вопросе так же может понадобиться знание о возможных местонахождениях некрополей и их возможное использование в дальнейшем

Объект исследования: Комплекс Тюменских некрополей

Предмет исследования: История возникновения и судьба комплекса Тюменских некрополей в истории жизни города и проблемы их восприятия

Хронологические рамки: Эпоха палеометалла (1 тыс. до н.э.) по 21 век.

Нижняя хронологическая рамка обусловлена первыми датированными погребениями, которые появились на территории, которую ныне можно назвать городом Тюмень.

Верхняя хронологическая рамка обусловлена рассмотрением современного состояния некрополей и проблеме их восприятия в городском пространстве.

Территориальные рамки. Тюмень. Территориальные рамки исследования включают в себя территорию города Тюмени. Границы исследуемого региона делятся на четыре основных района города Тюмени: Ленинский, Восточный, Калининский и Центральный. Основные акценты будут направлены на районы с расположенными в них кладбищами. Особенно выделяются кладбища Парфёновское, Текутьевское, Затюменское, а так же холерные, мусульманские и еврейские кладбища.

Степень изученности. Степень научной разработанности темы исследования. Вопросы некрополистики получили достаточное освещение в отечественной литературе. Вопросами некрополистики в разное время занимались С.Ю. Шокарев, Д.Н.Шилов, Д.Я. Самоквасов, К.Н. Любарский, В.И. Сайтов и т.д.

В Отечественной историографии вопрос об изучении некрополей и различных обрядах погребения стоит достаточно остро. В данном направлении были проведены различные исследования и имеются такое количество работ и публикаций, что для того чтобы их всех описать потребуется отдельная серьёзная работа. С развитием исторической науки менялись и взгляды на изучение некрополистики и всё что с ней связано. Работы можно разделить на три категории: археологические, этнографические и некропологические.

Тюменские некрополи достаточно не изученная тема. В основном работы представлены исследованием архивных материалов и изучению основных городских захоронений. Одной из работ изучающий тюменские некрополи является статья Г.Ю. Колевой «Город и его Некрополи» [Колева. с. 108-114]. В статье рассматривается возникновение и судьба Тюменских кладбищ, автор даёт определение времени их появления, названия, примерное место

расположения, проводится краткая характеристика их положения в историческом времени. Интересная работа была сделана И.И. Колосовой, А.Б. Медведевой, [Колосова, Медведева, с. 23-43] в ней так же рассматриваются некрополи Тюмени, их развитие, в связи с профессиональной сферой деятельности так же в статье рассматривается архитектурно-планировочная структура, функциональное зонирование, предметное наполнение кладбищ и форма надгробий. Так же стоит выделить широкое использование картографического материала и других медиа файлов. Работа М.И. Байдуж «Парк на костях»: Мифологизация Современного городского пространства в сибирских городах» [Байдуж, с. 162-169] посвящена анализу мифологических представлений о парках, построенных на старых кладбищах или близко к ним, в городе Тюмени. Данная работа интересна тем что в ней автор пытается раскрыть то как парки или другие строения, муниципальные или нет могут быть встроены в городской мифологический ландшафт. Одна из недавних работ по теме кладбищ, была выпущена в 2022 году под авторством Л.Р.Ибрагимовой, А.И. Клюкиной «Проблема Текутевского кладбища. Возможные пути решения на основе мирового опыта». [Ибрагимова, Клюкина, с. 249-254] Данная статья посвящена проблеме интеграции кладбище в центр города, его реновации и о возможных решениях.

Следует отметить, что вопросы некрополистики и её изучения требует более детального освещения историками- урбанистами.

Цель: Изучить формирования пространства вокруг городских некрополей путём изучения данных картографии.

Задачи: 1. Проанализировать источники с данными по местонахождению некрополей на территории города.

2. Выявить неизвестные некрополи и установить границы известных.

3. Закартировать используя ГИС систему все найденные и известные городские некрополи.

4. Провести анализ данных полученных в ходе проведения картографического анализа, выявить тенденции и характерные черты погружения некрополей в городское пространство.

Теоретическая основа и методы исследования. В исследовании были использованы: историко-сравнительный метод, картографический и ГИС метод. Историко-сравнительный метод позволил изучить исследуемый период с точки зрения развития происходивших событий. В ходе исследования рассмотрены изменения в разные временные промежутки, связанные с пространством некрополей города. С помощью хронологического метода были изучены события и явления по этапам временных изменений. Картографический метод использовался для

Для изучения пространства городских некрополей использовался метод картирования в ГИС. Их можно использовать в различных контекстах для осмысления информации с пространственным аспектом, будь то на уровне зданий и улиц или на уровне наций, а также для выполнения сложного геопространственного и топографического анализа. Однако без обучения географическим методам, инструментам и даже терминологии историкам может быть сложно начать работать с этим материалом. Включая в себя выбор картографических источников, оцифровку и проектирование базы данных, компьютерное картографирование решает ряд задач. Одной из процедур создания электронной карты является оцифровка бумажной версии, которая может быть выполнена с помощью сканера или дигитайзера. Компьютерные карты используются историками для исследования различных аспектов, включая миграцию населения, развитие инфраструктуры и поселенческой сети. Однако, для создания собственных моделей, историк должен обладать специфическими знаниями и квалификацией в области картографии. Исторические карты – это важный источник информации для исследования истории. Однако, проблема заключается в том, что эти карты создавались под определенные задачи, которые могут не соответствовать задачам исследования.

Сложности возникают также при сравнительном анализе нескольких карт с разными параметрами, масштабами и уровнем детализации. Классические методы работы с историческими картами не позволяют решить все задачи источниковедения и интерпретации. Решение возможно только с помощью геоинформационных технологий, которые позволяют объединить различные типы карт и преобразовать их в соответствии с задачами исследования. Создав пространственную модель, можно провести полноценный пространственный анализ изучаемого исторического объекта или процесса, иллюстрировать его и обеспечить возможность комплексного использования исторических карт.

Обзор источников. Все проанализированные источники можно объединить в две группы. Первая – это делопроизводственная документация. Эта группа источников включает: решения, приказы, распоряжения, постановления городских властей Тюмени связанные с изменениями или возникновением кладбищ на территории города. Основными источниками были дела о борьбе с холерной эпидемией 1905 года [ГАТО. Ф.И.1 О.п. 1. Д. 533], Дело о отведение земли под Магометанское кладбище [ГАТО. Ф. И1 ОП.1 Д.367], дело о борьбе с холерной эпидемией 1894 года [дело]

. Так же изучены постановления городской думы Тюмени (Дело).

Вторая группа – картографические материалы. Данный корпус источников представлен: планами города и картами, проектами городской черты, ситуационными планами, чертежами и т.д. Исследованы и изучены карты конца XVIII вв. и конца XX века.

Для этого исследования основными источниками являются данные, полученные от полевых наблюдений, фотографирования, заметок и интервью с информантами. В контексте пространства некрополей также были использованы материалы из электронных СМИ, социальных сетей. Картографические данные, планы города и документы также были привлечены в качестве источников.

Практическая значимость.

Итоговые выводы и представленные в исследовании тезисы позволят использовать данные для дальнейшего изучения темы кладбищ в городском пространстве в градостроительном аспекте, так же исследование поможет внедрить в широкое использование термин «некрогеография». Данные и тезисы исследования можно использовать для формирования нового пространства вокруг некрополей и захоронений города Тюмени.

Материалы магистерского исследования могут быть задействованы в лекционных курсах общей и специальной истории по изучению выбранного исторического периода в общемировой науке.

ГЛАВА 1: ПОНЯТИЕ НЕКРОГЕОГРАФИИ И ИССЛЕДОВАНИЕ НЕКРОПОЛЕЙ

1.1: ИСТОРИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ НЕКРОПОЛЕЙ

Изучение захоронений и кладбищ уходит далеко в истоки археологических исследований и не только. От исследования египетских пирамид до захоронений в курганах Стоунхенджа, места захоронений были идентифицированы благодаря их сложным конструкциям и богато украшенным надгробным указателям. Многие доисторические захоронения находились группами в пределах отведенных мест или по отдельности в монументальных сооружениях, но именно в исторический период захоронения, как правило, находились в санкционированных ограждениях с рядом структурированных и неструктурированных захоронений.

Социальная, идеологическая, демографическая, биологическая и экономическая природа прошлых сообществ и методы, используемые для исследования этих ветвей, значительно улучшились за последние 50 лет. С другой стороны, идентификация социальных трансформаций и принятие междисциплинарных теорий предоставили ряд средств для выявления отношения между наборами данных погребений, что позволяет глубже понять политику, общество, экономику, идеологию и биологию прошлых сообществ, как доисторических, так и исторический. Помимо развития археологической теории и соответствующих социальных трансформаций, исследования погребального контекста касаются изменений в понимании отношения к смерти, интерпретации идеологии через иконографию или могильные украшения, изучения языка и надписей, выявления классовых разделений и исследований в области биологии. антропология. Изучение кладбищ — это не просто документирование и интерпретация физического ландшафта как такового.

практиковались более ранние погребальные расследования, самые последние проведенные исследования чаще углубляются в эмоциональную сторону смерти, интерпретируя мысли и чувства, которые проецируются на эти пейзажи. Пейзаж смерти (deathscape) не ограничивается умершими людьми и связанными с ними предметами захоронения, и это не просто наземные остатки участка, это относится ко всему ландшафту могильника, включая

Работа Детлефсена и Дитца [Dethlefsen, E. Deetz, J. с. 502-510], в надгробиях Массачусетса 17-го и 18-го веков до сих пор считается одним из передовых исследований в контексте кладбища. Они рассмотрели эволюцию элементов дизайна, таких как мотив мертвой головы, как представления пуританских верований, а также мотивы херувимов и урн, которые указывали на социальные изменения в идеологии за исследуемый период. Детлефсен и Дитц [Dethlefsen, E. Deetz, J., с. 505] рассматривали кладбища как лабораторию для изучения аспектов социальных и культурных изменений со ссылкой на исторические записи для контроля достоверности. Анализ тенденций в дизайне надгробий на разных географических расстояниях позволил провести пространственное сравнение между кладбищами, поэтому позволили археологам определить, какие тенденции преобладали в местных и связанных сообществах. Детлефсен и Дитц [Dethlefsen, E. Deetz, J. с. 508-509] определили «великое пробуждение» в археологии, которое было периодом, сосредоточенным на радостях жизни после смерти, а не на негативных идеях осуждения и смерти, характерные для предыдущего периода. Это показали изображения херувимов на надгробиях, а введение обезличивания смерти и характеризуется дизайном урн. Конец «Великого пробуждения» также ознаменовал конец пуританства. Они также определили 12 шагов для дальнейшего исследования надгробий кладбища, предложения, которые с тех пор были дополнительно исследованы другими археологами в различных контекстах. Эти шаги включали исследования изменений в дизайне надгробий - от Англии до Америки и американских преобразований; темпы изменения в основных видах дизайна; демография кладбища; пространственная и темпоральная лингвистика надгробий;

реконструкция политических границ; генеалогическая информация; изменения в захоронениях во времени и пространстве экономика кладбищ и захоронений; создание базы данных фотографий [Dethlefsen, E. Deetz, J. с. 40-42, 1967]. В их статье 1971 года, в которой дополнительно изучалось присутствие этих мотивов на кладбищах, окружающих Бостон, была обнаружена связь между английскими социальными изменениями и возможностью сообщества получить доступ к этой информации [Francaviglia, R.V, с. 501-509]. Трансформации мотива мертвой головы в мотив херувима, меняющийся в зависимости от образования элиты; общества с образованной элитой демонстрировали аналогичные преобразования с английским сообществом, в то время как общества без непосредственный доступ продемонстрировал модифицированную эволюцию мотивов, которая явно распространялась среди элиты [Francaviglia, R.V, с. 501-509].

В этой ситуации археология «путей смерти» была обозначена предметами стандартизированной или похожей формы, обнаруженными в современных местах. кладбища, что означало сдвиг в социальной идеологии и погребальной культуре Америки. Белл [Bell, E.L, с. 54-78] объяснил, что наличие стандартизированного типа материальной культуры указывает на социальные изменения в производстве и распределении, поскольку они смогли распространять гробы массового производства в различных местах [Bromberg, F.W. and Shepard, S.J. с. 57-58]. Белл также отметил, что поведение в моргах, как правило, описывается в терминах дискретно связанных этнических или экономических единиц; однако это не смогло показать взаимодействия между группами и более крупными культурными традициями. Он приравнял оборудование для гроба к доисторической и этнографической концепции «погребального инвентаря», чтобы объяснить социальные и культурные изменения, особенно с точки зрения движения «украшения смерти».

Бромберг и Шепард [Bromberg, F.W. and Shepard, S.J. с. 60-70] интерпретировали кладбища в социальном контексте того периода, и отметили, как кладбища расходилось с господствующим общественным движением.

Бромберг и Шепард [Bromberg, F.W. and Shepard, S.J. с. 70-88] переместили могильные участки, используя типы и украшение гроба для выявления социокультурных изменений, использованное Беллом в его исследовании. Они также осмотрели личные вещи, обнаруженные вместе с телом, и уцелевшие надгробия. В частности, они выявили наличие или отсутствие надгробия по отношению к могиле, а также стилистические или декоративные типы, связанные с захоронениями. Интерес для их исследования представляло обнаружение металлического гроба и гроба с кирпичным сводом, которые, по их мнению, указывали на желание продлить сохранение после захоронения или для перевозки останков. Бромберг и Шепард обсудили сдержанность квакеров в принятии социальных идеалов того времени и их желание сохранить традиционные ценности, что было видно в археологических данных. Движение за «благоустройство смерти» привело к развитию кладбищ как вневременной садовый пейзаж, инициированный кладбищем Маунт-Оберн в Новой Англии. Маунт-Оберн стала образцом для развития городских и городских кладбищ не только в Америке, но и во всем мире. На сельском кладбище, было развитие ограждений вокруг фамильных участков; однако к 1850-м годам жалобы на то, что кладбище выглядит как море заборов, вызвали изменения в дизайне. В процессе превращения сельского кладбища в оформление «газонных кладбищ», как их позже стали называть, стала популярной отмена ограждений вокруг родовых участков, и люди даже снимали существующие ограждения. Френч [French. S, The Cemetery as Cultural Institution The Establishment of Mount Auburn and the Rural Cemetery Movement American Quarterly, с. 37] утверждает, что эти газоны и садовые кладбища были местами, где люди проводили время, что они послужили источником вдохновения для парков в городах.

Одно из самых ранних археологических исследований отношения общества к погребальным сооружениям было проведено в районе Новой Англии в Америке Френчем [French.S, с. 50], который рассматривал сельское

кладбище как культурный институт, исследуя кладбище как туристический объект или место назначения. Он определил комментарии о кладбище Маунт-Оберн от различных туристов, посетивших этот район, и отметил, что эти люди, похоже, жаждут участков. на кладбище через их различные комментарии о его местоположении и живописной среде. Френч [French. S, с. 58] отметил Маунт-Оберн как одно из первых кладбищ, указывающих на изменение отношения к смерти от могильника с сельскими традициями, до кладбища как тихого и спокойного места. Он признал, что кладбище было учреждением, используемым для обозначения точек зрения сообщества. Он определил, что погребальные причитания в Америке стали практиковаться примерно в тот же период, что и в Великобритании, но практиковались только в пуританской идеологии Новой Англии. Френч [French. S, 60] также признал, что к началу 19 века кладбища были переполнены и представляли собой опасные для здоровья места. Кладбища в центре городов были объектами протестов за здоровье общества, особенно в Нью-Йорке во время эпидемии желтой лихорадки, и в Бостоне, где было предложено создать места захоронения за пределами города. Расположение кладбища Маунт-Оберн и эклектичный дизайн были тщательно выбраны, чтобы соответствовать вневременному идиллическому образу сада и напоминать об истории и прошлом человека, что предлагается в руководстве Лукона [Loucon.J.C. 1843 г.]. Планировка была разработана таким образом, чтобы создать впечатление домашней обстановки с названными дорожками для экипажей и участками, разделенными деревьями, как в планировке сообщества. Сама Маунт-Оберн имела символизм, соответствующий греческому возрождению и более позднее египетское возрождения между революционным периодом, начала 1840-х годов, и периодом гражданской войны (1861-1865), такие как изображения урн и обелисков, крылатый земной шар и перевернутые цветы лотоса [French. S, с. 57]. Проекты были реализованы для привлечения людям посещать места кладбищ, чтобы сделать их значимыми для общества и способом продемонстрировать богатство и статус. Несколько более поздних исследований, [Jackson,C.O. с. 297-312.] определили два основных изменения в

отношении американцев к смерти. Американское общество изначально характеризовалось негативным взглядом на жизнь и верой в неизбежность смерти. Первое общественное движение произошло в середине 18-го и 19-го веков, что ознаменовало усиление связи между мирами живых и мертвых. Джексон [Jackson.c.299] назвал это развитие одомашниванием и сентиментализацией смерти, когда у живых была сильная духовность и не было возможности принять мертвых как действительно ушедших, тем самым создавая идеализированное представление о смерти. Второе движение, начавшееся в конце 19 века, характеризовалось отделением своей приверженности мёртвым от живых. Суровая реальность смерти была реализовано, подавляя движение за благоустройство, которое вело к простым и суровым замыслам предыдущего периода. Кроме того, важность смерти была сосредоточена на личности в начале 19 века, и только к 1830-м годам на месте захоронения большее значение придавалось поминовению умершего [Jackson,C.O. с, 305]. Он предположил, что развитие американской культуры было отмечено романтизацией смерти через воображаемую связь между царствами жизни и смерти, где идея вечной смерти позже стала тревожной концепцией, которая развилась во вторую часть, где смерть была избегающей в культуре. Краткое изложение достижений и методов исследования погребальных исследований было представлено Хиджией [Hijiya J.A. с, 339-363], обобщающим предыдущими археологическими исследованиями и те выводы к которым они пришли, охватывая период с 17 по 20 века на американских кладбищах. Он понял, что, за исключением одного случая, у нас нет предполагаемых значений резьбы на надгробиях или взглядов резчиков на жизнь и смерть, а это означает, что интерпретации требуются другие методы исследования. Он признал круговую проверку, которую это создало, герменевтический круг, и поднял вопрос об отдельных мотивах с множеством связанных с ними коннотаций. Кроме того, он отметил, что расследование «Американских» традиций, как правило, были сильно сконцентрированы в нескольких штатах и полностью игнорировали другие регионы, а это означает, что интерпретации весьма

предвзяты. В его синтезе из существующих исследований он определил социальные и мировоззренческие изменения через хронологические трансформации в иконографии. Хиджия [Hijiyu, J.A. с. 350] резюмировал это как превращение смерти в течение 18, 19 и 20 веков из религиозного явления в социальное явление, а не в явление вообще.

Другой метод исследования погребальных пейзажей — анализ иконографии и других надгробных украшений. Используя материальную культуру места смерти, особенно надгробия и архитектуру на кладбищах и могильниках, мы в состоянии установить связи относительно жизни прошлых сообществ. Археологи и историки изучают иконографию с середины 20 века. Например, Лонгфилд [Longfield, A.K. с. 170-174] рассмотрел иконографию нескольких ирландских художников конца 18-го и начала 19-го веков на надгробиях в восточном графстве Лаут. Она обнаружила, что мотивы на этом кладбище соответствовали социальной идеологии того периода, и смогла идентифицировать маркеры различных скульпторов на основе их стилистических элементов. Лонгфилд [Longfield, A.K. с. 173] тоже смотрел на надгробия, через скульпторов и их стили представления традиционных мотивов. Эти тенденции, которые она определила в декоративных мотивах, следовали стандартным образцам вертепов, крестных постановок, сцен распятия, распятия и свечи на алтарях, поддерживаемых ангелами, распятиями с коленопреклоненными ангелами, трубящими в трубы, фигурой скелета с распятием и святым Михаилом с весами и другими мотивами [Longfield, A. K. с. 172]. Точно так же связь между идеологией и мотивами была также отмечена Кларком [Clarke, J.P. с. 4] на аналогичном кладбище Лаут 18 века. Также в Ирландии Маккормик [McCormike, F. с. 5-16] исследовал иконографию нескольких надгробий Клогера между 1720 и 1790 годами. Он, в частности, определил декоративные узоры на лицевой, боковых и тыльной стороне надгробия. Маккормик [McCormike, F. с. 14] пришел к выводу, что фронтальная часть обычно содержала птиц и листву с надписью, расположенной под изображением херувима с молящимися фигурами, а на задней стороне преимущественно

изображался герб человека и библейская сцена, особенно с изображением Адама и Евы, в то время как боковое украшение выставлены ряды молящихся священнослужителей

Изучение языка и стилей письма на надгробиях началось относительно недавно в истории моргов. Надписи предоставляют ключевую информацию о людях, погребенных внутри, и, тем не менее, во многих исследованиях отмечалось, что надписи подтверждают их выводы, исследование языка и выявление закономерностей в тексте надгробий не проводилось в течение многих лет.

В качестве альтернативы исследования, которые подпадают под эгиду исследований кладбищ, включают исследование Эверетта [Everett, H. с. 91-103], который провел антропологическое исследование, в ходе которого изучалось размещение крестов и памятников на обочине дороги, особенно тех, которые увековечивают память жертв автомобильных аварий. Она обсудила историю и традицию матерей, ставящих белые кресты на обочине дороги, где погибли их дочери, а также создание «Организации матерей против вождения в нетрезвом виде» (MADD) и мемориалы, воздвигнутые школой Остина, увековечивают память погибших учеников. Эти мемориалы имеют двойное значение для сообщества: память об умерших и предупреждение другим в сообществе и за его пределами об осторожном вождении. Еще одним современным подходом к исследованию кладбищ было исследование, в ходе которого проверялась возможность применения ГИС к кладбищу. Либенс [Liebens, J, с. 56-68] нанес на карту и создал базу данных кладбища Святого Михаила во Флориде. Данные GPS были записаны с атрибутивными данными для каждого из участков кладбища и импортированы в Географическую информационную систему для получения полной и интерактивной карты местоположения. Эта база данных позволила исследовать различные социальные и структурные вариации, а также преобразования в пределах местоположения кладбища. для многих дисциплин, включая археологию. Этот тип партнерства с картированием и базой данных не

был новой концепцией, хотя ранее он не применялся к обстановке кладбища. Цель этого теста состояла в том, чтобы определить практичность такого исследования и способность этой системы оценивать данные и помогать делать выводы об аспектах социальной изменчивости.

1.1 ПОНЯТИЕ НЕКРОГЕОГРАФИИ

Археологи работают с множеством погребальных свидетельств — основанных на местах, артефактов, биоархеологических и монументальных — отражающих пространственную деятельность мертвых как над землей, так и под землей. Однако некрогеография или изучение «пейзажей смерти» относится к более широкому спектру исследований, которые опираются на географию, социологию, антропологию, архитектуру и психологию [Francaviglia, R.V, с. 501] и способствуют изучению роли места в человеческой смертности [Muzaini, Н. с. 190]. Места могут быть изменены ритуалами, связанными со смертью и погребением, но места, в свою очередь, могут влиять на человеческий опыт смерти. Как предполагают Мишель Серрес, Эдвард Кейси, Мартин Хайдеггер и другие, размышлявшие над этой темой, погребение мертвых — это важнейшее человеческое установление, способствующее как созданию мест, так и воображению будущего. Таким образом, планирование и дизайн кладбищ, могил и надгробных памятников дает представление о социально-культурных и политических контекстах, в которых они были созданы. Такие места, как утверждают исследователи буквально наделяются смыслами, что были раньше, и эти значения могут быть «кооптированы» для построения идентичности, территориальных и идеологических сигналов [Tilley, С. с. 205]. Пейзажи смерти предлагают отражение мира живых и его разделения с точки зрения пола, равенства и исключения — кладбища и места захоронения «подвержены культурной политике, и они раскрывают столько же о живых, сколько и о мертвых» [Muzaini, Н. с. 205]. «Пространственный поворот» в социальных и гуманитарных науках привел к растущему интересу к

исследованиям смерти, мемориализации, памяти и скорби [Maddrell and Sidaway. с. 15]. «Скорбь по своей сути является пространственным, а также временным явлением» [Maddrell, A. с. 123]. В современном мире мы можем нанести на карту пересечения умирания, смерти, погребения и траура в общественных и личных пространствах, например, от больничной палаты до гробовщиков, крематориев, кладбищ и даже с точки зрения домашнего пространства и дома. [Maddrell and Sidaway. с. 12]. Намеренное и структурированное захоронение мертвых людьми в местах как внутри живых сообществ, так и в отличных от них местах (кладбищах) во многом отличает нас от других видов, и именно эти «ландшафты захоронения» могут помочь исследователям понять меняющиеся представления о связи разместить в скалярном выражении [Wilkinson, T.J. с. 65; Bradbury and Philip, с. 87–102]. Мы находимся во власти хрупких данных: редко уверены, завершены ли раскопки кладбища или в какой степени процессы тафономии и разложения исказили свидетельства. Наш ретроспективный взгляд также создает дистанцию между нами и скорбящими у могилы в прошлом. Тем не менее, археологические данные по-прежнему предлагают богатые возможности для прочтения данных погребений и с точки зрения социального контекста, идентичности, власти и эмоций. Люди являются «создателями миров», сознательно отбирая и выбирая места, ресурсы и инструменты в процессах совместного использования и строительства, что приводит не только к физической и построенной архитектуре, но и к заключению природного мира в осязаемые и нематериальные нарративы о месте и жилище. Некоторые утверждают, что официальное захоронение умерших является почти «универсальной практикой» с намеренно созданными кладбищами и местами захоронения, служащими функциональным и эмоциональным целям и одновременно священными и мирскими [Kniffen, G. с. 426–427]. Цитирование (повторное использование) старых мест захоронений и древних памятников в процессах утверждения и мифотворчества может позволить людям записывать новые географии идентичности. Раздельное пространственное захоронение может указывать на отчуждение людей от сообществ после смерти, в то время

как, наоборот, мертвые также могут стать мощным центром внимания для живых с точки зрения паломничества и почитания. Тела могут быть рассеяны, разделены на части и перемещены по странам и континентам или играть роль агентов в погребальном театре, предназначенном для объединения людей, семей и сообществ. Таким образом, отношение к мертвым сильно зависит от культуры, но прошлое и настоящее дают достаточно доказательств того, что мертвые участвуют в создании живых представлений о пространстве и месте. Вместе эти документы подчеркивают жизненно важный характер похорон и ту роль, которую мертвые и умирающие играли в самых разных временах и контекстах. Даже сейчас, как и в прошлом, человеческое население отличается богатством своих отношений с мертвыми. На первый взгляд, современные представления о захоронении умерших, сосредоточенные на больших гражданских кладбищах и крематориях, по-видимому, отмечают разделение между деятельностью живых и местами захоронения. Во многих частях мира коммодитизация похорон шла параллельно с сокращением участия сообщества и семьи в процессах захоронения [Shimane, K. с. 373]. Точно так же популярность кремации некоторые связывают с урбанизацией, медиализацией смерти и широкой тенденцией к эффективности, научным технологиям и потребительскому выбору [Davies, D.J. с. 67-84, 1997], а также, в некоторых частях мира, с растущим отвращением к людям, органическому распаду [Elias, N. с. 64]. Несмотря на эти современные тенденции, кладбища во многих частях мира остаются активными местами в ландшафте, будь то зеленые зоны для отдыха, места для исследований семейного происхождения или места мемориалов и поминовения. Популярность «зеленых» погребальных практик отражает интерес к установлению связей между мертвыми и миром природы [Davies and Rumble, с. 187]. Такие кладбища, как Лесная лужайка (Лос-Анджелес), Пер-Лашез (Париж), кладбище Окуоин (Япония), Пантеон-Антико-де-Хоксокотлан (Оахака, Мексика) или Старое еврейское кладбище (Прага), являются крупными международными туристическими объектами. Популяризация памятных святынь в местах национальных или личных травм также

демонстрирует потребность сообществ в коллективном реагировании на смерть [Margry and Sánchez-Carretero, с. 13]. Так ли уж отличаются эти современные заботы от того, как люди вели себя в прошлом? В архаичном ландшафте Европы постоянные закономерности в захоронениях или местах захоронения, связанные с более широкой структурой и организацией, могут указывать на попытки использовать мертвых для обозначения ключевых узлов в «локальных оперативных зонах» [Pettitt, Р. с. 258-274]. Пол Петтит связывает это поведение с когнитивной стадией, на которой мертвые продолжали «задерживаться в [неандертальском] воображении, фиксируясь в определенных точках ландшафта и вспоминая, когда группы возвращались в эти места». эквивалентны в когнитивных терминах созданию сложного искусства и демонстрируют способы, которыми символическое поведение может быть связано с «простыми, социально опосредованными системами убеждений» [Pettitt, Р. с. 260]. Захоронения и кладбища также являются местами, которые могут обеспечивать связь между реальным и сверхъестественным мирами и нести наследственный резонанс. Кладбища и отдельные захоронения сами по себе являются формой физического цитирования в ландшафте. Отдельные похороны могли стать памятными как перформанс, но их роль в кумулятивной памяти заключалась в том, что выбиралось одно и то же место, а новые могилы располагались по отношению к все еще видимым существующим памятникам [Williams, Н.М. с. 55–65, 158–62]: [Semple and Williams, с. 4–6]. Погребенные мертвецы становились участниками каждого новых похорон, а кумулятивная совокупность могил становилась свидетельством общности, происхождения и связи с местом. Известность или видимость определенных типов захоронений долгое время интерпретировалась в контексте социальной организации. Широко цитируемая работа Шепарда 1970-х годов долгое время оказывала влияние на аргументы в пользу того, что большие курганы представляют элитный статус и возникающую конкуренцию между правящими семьями. Приводились аргументы в пользу близости захоронений к границам, а также того, как сообщества сигнализировали о своей самобытности и

структурировали свою местность и территории. Во всех этих работах то, где и как люди хоронили своих умерших, в некотором роде отражает космологию, социальные практики и чувство принадлежности, занимающие центральное место в понимании людей мира. Такие идеи продвигались с помощью феноменологических теорий и методов, другие использовали методы пространственной статистики, обеспечиваемые географическими информационными системами (ГИС), для количественной оценки таких монументальных пространственных отношений. Такие исследования часто привлекают внимание к другим аспектам базового архитектурного дизайна — в частности, к расположению участков относительно маршрутов движения или поселения, или к предпочтительному расположению мест захоронения на возвышенностях или склонах, чтобы они были освещены небом [Cummins and Whittle, с. 256]. Усилия прилагаются к пониманию того, как памятники встречались и формировали часть социального восприятия людьми пространства.

Однако выйти за рамки простого измерения размера и известности оказалось так же сложно, как и продвинуться вперед в понятиях конкуренции и идентичности. Вдоль реки Мюррей в Австралии в 19 веке Литтлтон и Аллен ярко реконструируют разнообразие аборигенных погребальных обычаев для захоронения и поминовения мертвых. Они убедительно показывают, как в этом случае западный взгляд может неверно истолковать находки из могилы, подгоняя их под предвзятые представления о варварстве и войне [Littleton and Allen, с. 70]. Здесь разнообразие сигналов вполне могло отражать важность стыков и перекрестков в ландшафте как мест культурного и социального взаимодействия, а не споров. Чувственное и физическое взаимодействие с местом захоронения показано как немедленная и долгосрочная деятельность, необходимая для восстановления социального порядка и, предположительно, благотворных и безопасных отношений между живыми и мертвыми.

Монументальное разнообразие также противопоставляется Литтлтоном и Алленом языковым группировкам — надгробные памятники воспринимаются как эквивалентный вид грамматики, отмечающий различия и смешения в языке и социокультурной практике. В совершенно другом контексте Фемке Липпок в отношении двухритуальных кладбищ в материковой Европе раннего средневековья демонстрирует, как археологические свидетельства использования кремаций рассказывают историю, совершенно отличную от более традиционных толкований, которые представляют эту практику как реакцию и несовместимость с христианством [Lippok, F.E с. 220]. Вместо этого Липпок демонстрирует, что кремация представляла собой альтернативный, но современный выбор, который существовал скорее в соответствии с практикой погребения и рядными могилами, чем в противовес им.

Таким образом, с этой точки зрения методы пространственного синтаксиса, такие как анализ Isovist или анализ графика видимости (VGA), являются важными инструментами, которые позволяют исследовать пространственную среду и видимость в местах захоронения. Такие пространственные свойства в пределах некропей, в свою очередь, можно сравнить с биоархеологической информацией о скелете (например, пол, возраст, смертность) и культурной информацией в виде погребального инвентаря. В этом примере утверждается, что цитирование доисторических памятников было тщательно организовано, чтобы отразить аспекты социальной личности умершего. Подходы, которые подчеркивают опыт и встречи с пространствами, имеют большой потенциал для изучения таких пространственных и культурных отношений и улучшения нашего понимания эмоциональных и сенсорных аспектов погребения. Гораздо более буквальное выражение некрогеографии — физическое использование человеческих останков для создания пространств. Мы все живем в условиях значительного нарушения наших обычных способов обращения со смертью. Тем не менее, как предполагают как философские, так и археологические рассуждения, то, как и где мы хороним наших умерших, как мы их помним и что мы передаем

будущим поколениям, является важными качествами человека. Формирование чувства принадлежности и места с помощью формализованного отложения мертвых сравнивали с точки зрения ступенчатого изменения в когнитивном прогрессе с развитием искусства и эстетики у до- и ранних гоминидов [Pettitt, P. с. 270]. Таким образом, географии смерти и погребения, независимо от того, исследуются ли они эмпирически с помощью ГИС или исследуются более феноменологическими сенсорными методами, являются центральными для понимания человеческого поведения в прошлом и настоящем в отношении понимания ткани существования в социальных, политических и религиозных терминах. Они отражают что-то очень человеческое в моментах, когда установление претензий, корней и связей включало в себя кооптацию мертвых на месте и создание истории. В конечном счете, «читая» некрогеографию прошлого, мы достигнем более глубокого понимания чувства себя, места и бытия, которое несли предшествующие нам поколения, и кое-что о том, как коллективные усилия по избавлению от мертвых могут создать крепкие связи и связи в живых.

В современной юго-восточной Австралии захоронения аборигенов прошлого в основном невидимы. Они становятся видимыми только благодаря эрозии или строительным работам. Эта невидимость, однако, является продуктом недавней истории. В этой статье мы утверждаем, что некоторые захоронения были хорошо заметны, хотя и в разное время, что эти захоронения можно было рассматривать как воплощение определенных традиций и что распознавание и интерпретация этих монументальных ландшафтов различались между группами — местными и неместными аборигенами, аборигенами и некоренными. -Аборигены. Монументальные пейзажи прошлого, хотя и представляли собой лишь небольшой процент от общего числа захоронений, имели вполне реальное присутствие на земле, создавая особую некрогеографию и предоставляя мертвым форму действенной деятельности, выходящую за пределы местной группы. Эта некрогеография, или пейзажи мертвых, однако, являются продуктами определенных моментов времени и конкретных линз, и

не существует какой-то одной некрогеографии. Приводя этот аргумент, некрогеография, которую мы исследуем, представляет собой монументальный ландшафт. Обсуждаемые нами захоронения — это захоронения не всех, а связанные с построенной архитектурой, которая со временем ветшает или исчезает. Это распределение может быть проанализировано с точки зрения местных и региональных практик, которые связаны с другими видами пространственного распределения. Эти захоронения также служат местом, где живые могут проводить практики по отношению к мертвым. В смысле автора эти локусы обладают эффективным действием, поскольку они вызывают события [Gell, с. 16], воздействуя на «опыт и действия скорбящих и наблюдателей и вызывая интерпретации прошлого» [Williams, Н.М. с. 205]. Эти эффекты не статичны и не фиксированы. В момент видимости памятника положение наблюдателя по отношению к умершим влияло на их опознание, последующую интерпретацию и действие. В то время, когда эти памятники исчезли как видимое присутствие, они интерпретируются через совсем другую призму. Область некрогеографии отслеживает «пространственную деятельность мертвых как над землей, так и под землей» [Semple and Brookes с. 50], путем анализа способов, которыми физическое местоположение места захоронения «обеспечивает дискурсивную территорию для людей в рассказывании историй о месте», связь, идентичность и принадлежность, а также инаковость». «Формализованные отложения мертвых», такие как погребение и погребение, позволяют живым «встраивать свои повседневные практики в ландшафт» посредством актов поминовения [Semple and Brookes с. 10]. Понятие ландшафта смерти [Maddrell and Sidaway, с. 11] рассматривает человеческое захоронение как целостный феномен, сочетающий геологические, топографические, метеорологические, ботанические и зоологические реалии с социокультурными, политико-экономическими и духовными соображениями. Поскольку «кладбища вплетены в гораздо более широкий мир». соединений. . . которые формируют и становятся культурно сконструированным ландшафтом, который необходимо интерпретировать» в соответствии с «различным опытом

различных этнических и религиозных сообществ». В своем локальном исследовании практики захоронения афроамериканцев автор считает, что кладбища чернокожих «являются прекрасными хранилищами культурной информации», поскольку практика захоронения оставалась одной из немногих сфер жизни, где порабощенные, а затем эмансипированные афроамериканцы пользовались определенной степенью общественной автономии. .

«Преднамеренно размещенная надземная материальная культура, обнаруженная на всем кладбище, а также общий ландшафт кладбища» предоставляет исследователям «неповторимую возможность» заново открыть для себя господствующие взгляды чернокожего сообщества на жизнь и смерть на протяжении всего американского опыта.

ГЛАВА 2: НЕКРОПОЛИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ ТЮМЕНИ

2.1 ГОРОДСКИЕ НЕКРОПОЛИ И ЗАХОРОНЕНИЯ

На территории Тюмени на данный момент расположены три сохранившихся кладбища, как минимум пять утраченных кладбищ и несколько курганных могильников и захоронений. Ныне сохранившиеся кладбища это Текутьевское, Парфёновское или заречное и остаток кладбища мысовского. Утрачены кладбища: Всехсвятское, кладбище Затюменское, основная часть мысовского кладбища, еврейские и мусульманские кладбища, а так же кладбища где хоронили погибших от болезней.

Одни из первых кладбищ были по всей видимости расположены за пределами Тюменского острога, который находился на месте где сейчас находится здание музея «Городская дума». И уже в XVIII веке при постройке нового моста через реку Туру были обнаружены останки, так как на этом месте находился Благовещенский собор и при нём было кладбище, то соответственно были обнаружены эти останки, по всей видимости, это был крупный городской некрополь. Это можно предположить и по тем данным которые мы получаем сейчас, так как в этом месте идёт ремонт и перепроектирование дорожного полотна и ведутся археологические изыскания, и во время работы были так же обнаружены костные останки. Из архивных и картографических источников следует что уже к 1770 году в Тюмени функционировали два кладбища, это Всехсвятское кладбище, на современной улице Даудельной и Затюменское кладбище, которое располагалось рядом с нынешнем Экопарком «Затюменским». Умерших хоронили в зависимости от места проживания, тех кто жил за речкой Тюменкой хоронили на Затюменском кладбище, а те кто жили непосредственно в городе «погребали рядом с церковью Всех Святых».

К середине XIX века в черте города функционировало 4 кладбища. Всехсвятское кладбище было закрыто решением Городской думы от 19

сентября 1884 года, а уже в 1885 году другим решением Городской думы было открыто новое кладбище названное в последствии Текутьевским.

На протяжении второй половины XIX века остро стоял вопрос о состоянии кладбищ и их благоустройства, по данным источников основной проблемой кладбищ было отсутствие ограждения, в результате чего по территории свободно ходили животные и нарушали целостность могил. [ГАТО. Ф. И 2. Оп. 1. Д. 1081] Так же упоминаются мародёры, которые раскапывали могилы для поиска золота и других ценных вещей [ГАТО. Ф. И 1. Оп. 1. Д. 430]. Так же на Всесвятском кладбище несмотря на официальные закрытые иногда продолжалось вестись захоронение с разрешения местной Епархии [ГАТО. Ф. И 1. Оп. 1. Д. 430]. Присутствовала проблема с тем, что делать с ненужным кладбищем и в конечном итоге поступило предложение от А.П. Ретина, что часть свободной земли рядом с кладбищем сдать арендаторам под застройку, и эти арендаторы облагородят кладбище за свои деньги, [ГАТО. Ф. И 1. Оп. 1. Д. 357]. Что в конечном итоге и было одобрено Городской думой в 1908 году и как считается это дало начало появлению домов на нынешней улице Осипенко. [Кубочкин, с. 201] После войны застройка прошла по кладбищу полностью и со временем только сильнее поглощало его. [Кубочкин, с. 205] Примерно такая же ситуация была и с Затюменским кладбищем. На протяжении времени были вопросы о его ограждении, нахождении на территории кладбища животных и людей, и, не смотря на различный статус людей которых на нём хоронили, место пришло в запустение и как итог полностью застроено, на данный момент на месте кладбища стоят жилые дома. Так же поднимался вопрос о необходимости сооружения ограждений на Затюменское кладбище [Ф.И.1. ОП.1 д. 430]. Было подано заявление городского старосты «о необходимости скорейшего решения вопроса с оградой».

Кладбище Парфёновское, оно же Заречное точно функционировало к середине XIX века. Здесь были похоронены как жители деревни Парфёново так и жители города. В сороковые годы здесь хоронили умерших военно пленных

немцев и венгров. В 1996 году на месте захоронения была установлена мраморная плита, в память о похороненных здесь солдат, с надписями на немецком и русском. Кладбище было закрыто для захоронений в 1968 году. А в 2003 году ему вернули название Заречное. Ещё одно кладбище находилось на месте современного Гагаринского лесопарка и называлось как и одноименный посёлок Мысовским. Данное кладбище было снесено, и на его месте оборудовали лесопарк для прогулок, однако сохранилась небольшая часть кладбища с могилами похороненными в основном в пятидесятые года XX века. На нём стоит могила известного капитана речного плавания Пантелеймона Андреевича Плахина, который проработал на реке и на всём Обском бассейне больше сорока лет. Его именем назывался пароход, а в Мысовском посёлке — улица. Скончался известный тюменец 3 сентября 1953 года. [сайт «Улица Плахина человека и парохода»]

Стоит упомянуть кладбища связанные с похоронами умерших от заразных болезней, такие как например холера. Как известно из источников на территории Тюмени располагались примерно 4 холерных кладбища. Однако на данный момент к сожалению мы не располагаем достоверной информацией о том в каком именно месте располагались и в какие года они функционировали. В документах, а именно в «Дело о борьбе с холерной эпидемией в г. Тюмени в 1905 г.» [Ф.И.1 О.п. 1. Д. 533] говорится что одно из холерных кладбищ располагалось «за Копыловскими сараями», а так же «в том же месте что и в прошлую эпидемию». Возле Всехсвятского кладбища располагались холерные бараки, так же если судить по архивным источникам. В 1892 году при очередной эпидемии на месте части заброшенных захоронений были размещены холерные бараки [Эпидемия холеры 1892 года, стр 35], что даёт возможность сделать вывод, о том что умерших от холеры могли так же хоронить и на хоть и закрытом, но всё-таки кладбище. Так же в документах есть упоминание о «скотском кладбище» где по всей видимости хоронили животных умерших от различных болезней. Кладбище находилось «на

арендованной земле у крестьян деревни Савраской за памятником и по логу за мостиком по Московской дороге» [дело Эпидемия холеры 1892 года].

Вопрос о размещении Еврейских и магометанских кладбищ достаточной открыт. Отдельные сектора еврейского кладбища сохранился на Текутьевском кладбище в размере 24 надгробий, на юго-восточной стороне. И рядом с ним располагается мусульманский сектор. Так же в 1913 году было подано прошение об отводе места под новое магометанское кладбище «Место для кладбища за Тюменкой рядом с еврейским» [Ф. И1 ОП.1 Д.367]. Таким образом о расположениях еврейских и мусульманских кладбищах ещё не достаточно изучено и требуются дополнительные сведения для установки как можно более точного местоположения.

Особняком стоят археологические памятники, которые расположены на территории Тюмени. Известные тюменские археологи изучили захоронения. На данный момент известно о трёх могильниках располагающихся на территории города. Это Мысовские курганы, могильники на территории Александровского сада и так же могильники на берегу реки Туры рядом с ДК Нефтяник.

Первые упоминания об археологических памятниках г. Тюмени приходится на конец XVIII в., и связаны с работами экспедиции академика И. И. Лепёхина, который в 1771 г. Побывал в г. Тюмени и её окрестностях, и описал Царёво городище в устье р. Туры, интерпретированные им как захоронения «бывших татарских тюменских владельцев [Лепёхин, 1780]. Начало систематического археологического изучения Туро-Пышминского междуречья восходит к концу XIX века. Первым исследователем этого района был директор Тюменского реального училища И. Я. Словцов. В его трудах есть упоминание о том, что «близ деревни Мыс, на механическом заводе Игнатова при постройках вырыто из земли много черепков и обломков каменных орудий. Вероятно, на этом пункте было городище». Кроме того по сведениям этого краеведа «около деревни Антипиной, тотчас за поскотиной, на обрывистом берегу реки два городища запаханы под пашни и почти совершенно уничтожены» [Словцов, 1890;

Талицкая, 1953.,]. Эти территории сейчас находятся в черте города Тюмени. Мысовские курганы расположены на территории лесопарка Гагаринского, на левом берегу реки Туры. Это большие могильники в виде земляных холмов высотой примерно до полутора метров и диаметром от 7 до 15 метров. Они известны с 1925 года, а в 1926-1927 гг. П. А. Дмитриев совместно с П. А. Росомахиным провели на них первые раскопки. В курганах были обнаружены окала десяти погребений, в которых содержались различные атрибутивные предметы: оружие, украшение. В дальнейшем эти курганы были определены к сарматскому времени [Матвеева Н. П., Матвеев А. В. 1994].

В 1950-х годах в городе Тюмени работала экспедиция Института археологии Академии наук СССР под руководством В.Н.Чернецова. На территории Загородного сада экспедицией были найдены две средневековых украшения - бляхи с изображением воинов. Также экспедиция обследовала изображением воинов. Также экспедиция обследовала Мысовской курганный могильник, а у д. Верхний Бор обнаружила два кургана [Чернецов, 1950]. С начала 60-х гг. прошлого века изучение археологических Тюмени продолжила экспедиция Уральского госуниверситета (УАЭ). В дальнейшем изучением археологических древностей областной столицы занялись археологи из Тюменского государственного университета. Ими раскапываются три кургана из состава Мысовского курганного могильника в 1978 и 1981 гг. Руководил работами А.В.Матвеев. В двух курганах обнаружены одиночные погребения пожилых мужчины и женщины, и немногочисленный сопроводительный инвентарь. В третьем кургане изучено два погребения мужчины и женщины в разных могильных ямах. Под мужским захоронением оказалось парное погребение. На дне третьей могилы лежали костяки мужчины и женщины. Руки погребенной согнуты в локтях и прижаты к груди, ноги неестественно сильно подтянуты к подбородку, что позволило говорить о насильственной смерти женщины- рабыни, сопровождавшей своего хозяина. На основании материала, полученного в ходе раскопок, объект культурного (археологического) наследия «Мысовской, курганный могильник» отнесен к саргатской археологической

культуре раннего железного века [Матвеев, 1979, 1982 ф; Буслова, Дрябина, ..., 1989; Матвеева, Матвеев, Зах, 1994]. В 1988 г. при проведении ремонта дорожного полотна в начале ул. Республики были обнаружены остатки жилых домов и погребения.

Под руководством археолога Тюменского областного краеведческого музея В.И.Семеновой были проведены масштабные археологические раскопки и наблюдения, позволившие получить большую информацию о жизни и быте жителей Тюмени в XVII - XIX вв. [Семенова, 1989 ф; 2000]. В 1993-94 гг. археологом И.А.Бусловым в парке им. Ю.А.Гагарина открыты поселения Мысовское 4, Мысовское 5, Мысовское 6 [Сомова, 2009 ф; Костомаров, 2011 ф]. В 2008 г. экспедиция Тюменского государственного университета под руководством М.А.Сомовой обследовала Мысовские поселения и Мысовские курганы в парке им. Ю.А.Гагарина [Сомова, 2009 ф]. В 2010 г. другая экспедиция Тюменского государственного университета под руководством В.М.Костомарова снова обследовала Мысовские поселения и Мысовские курганы [Костомаров, 2011 ф]. В 2011 г. Н.П.Матвеева - археолог из Тюменского государственного университета продолжила изучение городища Чимги-Тура [Матвеева, 2012 ф]. В 2013 г. С.В.Берлина - археолог ИПОС СО РАН - к западу от парка им. Ю.А.Гагарина обнаружила Мысовской 3«а» курганный могильник [Берлина, 2014 ф].

Одним из видов захоронений города являются братские могилы. Такое захоронение есть на Текутьевском кладбище, там похоронены солдаты красной армии погибшие во время Великой Отечественной войны от полученных ранений. Их хоронили сначала отдельно, а потом в 1955 году было принято решение перенести останки в одну братскую могилу. На которой был поставлен памятник по проекту В. С. Бешкильцева [Иваненко А. С. Новые прогулки по Тюмени: Путеводитель. — Тюмень: Радуга-Т, 2008. — С. 203-204, 314-315. — 335 с.] Так же большую важность имеют братские могилы периода Гражданской войны. В Тюмени можно выделить два таких места, это площадь Борцов Революции, а

так же место пересечения улиц Максима Горького и Харьковской, на обоих местах стоят памятники, в первом случае это памятник собственно борцам революции, а во втором памятник жертвам Колчаковского террора. Есть сведения источников о моменте захоронений. К середине июля 1918 г. чехословацкий корпус занял Ялуторовск, бои приблизились непосредственно к Тюмени. С целью взбодрить население, большевики очень любили устраивать для трудящихся общественные балы, особенно после получения известий о поражениях на фронтах. Особое место в воспоминаниях отведено сюжету, связанному с похоронами большевиков—красноармейцев, погибших в боях с казаками и чехами. Памятник Борцам революции на месте бывшего их захоронения и сегодня является одним из знаковых мест Тюмени. С. К. Буксгевден

В июле 1918 года Чехословацкий корпус занял Ялуторовск, а бои приблизились к Тюмени. Для поднятия морального духа населения после поражений на фронтах, большевики часто организовывали общественные балы для трудящихся. В воспоминаниях людей особое место занимает история похорон большевиков - красноармейцев, погибших в боях с казаками и чехами. Сегодня Памятник Борцам революции стоит на месте их захоронения и является одним из символов Тюмени

С. К. Буксгевден писала, что для захоронения была выбрана одна из самых красивых городских площадей, где недавно немецкие военнопленные — прекрасные садовники, разбили замечательный сад. Тут же находился фонтан, питавший водой население соседних домов. По слухам, «братская могила рядом с источником воды вызвала эпидемию холеры». Сама похоронная процессия растянулась от железнодорожного вокзала до площади. Убитых оказалось вдвое больше, чем Совет подготовил гробов, поэтому комиссары реквизируют все готовые, в том числе предназначенные для женщин. Яркие бело-розовые «раковины» и красные гробы оказались меньшего размера и произвели на окружающих ужасное впечатление, так как из них торчали руки и

ноги, когда их везли по улицам[Буксгевден С. К, с. 421]. В конце первого десятилетия XX века на Таборе появились холерные бараки, потом лагерь, в котором содержались военнопленные первой мировой войны: австрийцы, венгры и др.

С июля 1918 по июль 1919 года, когда Тюмень была во власти колчаковцев, в лагере содержались пленные красноармейцы. 13 марта 1919 года в Тюмени около 600 крестьян, мобилизованных в армию Колчака, подняли восстание: они уже отслужили свой срок в царской армии и не хотели идти на войну. Они захватили оружие в ремесленном училище Текутьева (ул. Дзержинского, 7), там теперь находится Институт наук о Земле ТГУ и пошли к лагерю военнопленных в надежде на поддержку. Восставшие разоружили охрану и предложили всем военнопленным присоединиться к ним. Однако перешли на их сторону в основном военнопленные венгры. Все вместе по железнодорожной ветке они пошли к тюрьме, чтобы освободить политических заключенных. Восстание жестоко разгромили уже к ночи того же дня, почти все участники его были убиты. Перед отступлением из Тюмени в начале августа 1919 года колчаковцы посадили уцелевших от болезней и голода красноармейцев на баржи – по несколько сотен человек на каждую - и повезли в сторону Томска. По пути их не кормили, а по ночам расстреливали, трупы сбрасывали в воду. В Томск баржи пришли почти пустыми. По пути было убито более двух тысяч человек. Эти баржи после назвали «баржами смерти». Около 150 оставшихся в Тюмени больных пленных красноармейцев расстреляли в лагере. В 1967 году в год пятидесятилетия Октябрьской революции, на месте братской могилы, где захоронены расстрелянные красноармейцы, установлен монумент по проекту тюменского скульптора З.М. Белова: облицованный пилон с надписью «Вечная память жизнь отдавшим за власть Советов». У его основания две бронзовые фигуры: красноармеец поддерживает рукой смертельно раненного товарища. На месте бывших лагерных бараков - зеленое поле спортклуба «Прибой». У монумента высадили цветы, починили облицовку. С левой стороны стелы надпись «Памятник

истории. Братская могила жертв гражданской войны. Захоронены в 1919 г. Монумент установлен в 1967 году. Автор- скульптор В.М. Белов. Охраняется государством». Памятник расположен на пересечении улиц Горького и Котельщиков, ближайший транспорт – остановка «Судостроительный завод», где совершают посадку и высадку пассажиров маршрутные такси № 43 (Областная библиотека – рабочий поселок) и № 84 (Энтузиастов – Областная клиническая больница).

2.2. НЕКРОПОЛИ В ГОРОДСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ: КАРТОГРАФИЯ, ВОСПРИЯТИЕ И ЭКСПЛУАТАЦИЯ.

На территории Тюмени находятся большое количество различных кладбищ, могильников, некрополей, захоронений. Жители города иногда говорят, что вся Тюмень построена на кладбище, что конечно является не совсем правдой. Однако расширение городского пространства вызванное естественным ростом города поглотило или даже уничтожило места захоронений. В ходе этого процесса мир материальный, сталкивается напрямую с миром загробным. И исследование этого феномена, а так же картография и фиксация эксплуатации кладбищ, а так же их эксплуатационного потенциала можно назвать главными проблемами городского пространства некрополей

Использование картографических данных включает в себя определённые трудности с сопоставлением и интерпретацией имеющихся данных. В ходе работы был использован метод картирования вкупе с геоинформационными технологиями или геоинформационными системами. Основным программным обеспечением была программа QGIS, которая является отличным подспорьем для интеграции и интерпретации данных, которые были взяты из доступных нам источников, а именно картографический материал.

Для начала была проведена работа по поиску карт для работы в QGIS. Были выбраны несколько карт, в основном выбор делался, на несколько карт в каждом столетии начиная с XVIII века и заканчивая XXI веком. Основным интерес представляли карты XVIII и начала XX веков, так как на них могли быть неизвестные ранее захоронения, а так же большое подспорье в определении и сопоставлении письменных источников о кладбищах, например помощь в нахождении холерных кладбищ, которые в основном не изображались на картах. Так же отсекались планы губерний и областей, так как они не представляли интереса в исследовании, при котором была нужда в наличии карт не только города Тюмени, а так же его ближайших окраин, так как эти окраины на данный момент поглощены городом.

Далее карты выбирались на предмет наиболее подходящих для использования и привязки растра к современным картам QGIS. Затем уже используя возможности программы, выбранные карты привязываются к современной карте. Например мы берём план города Тюмени 1788 года.

С помощью программы мы можем привязать этот план к современной карте города, чтобы увидеть, какие здания и улицы сохранились, а какие изменения произошли за многие годы. Также можно использовать инструменты программы для добавления дополнительной информации на карту, например, отметить на современной карте места исторических зданий или памятников, которые уже не сохранились. Это позволяет более глубоко погрузиться в исторический аспект развития города и лучше понимать его современный облик. Была выбрана карта масштаба 1:100 000, которая лучше всего подходила для использования в программе QGIS. Затем была произведена геопроецирование растровых изображений путем привязки их к этой карте в программе QGIS с использованием инструмента "Геопроецирование".

Для использования растра в Google Maps была использована открытая онлайн-платформа MapTiler, которая позволяет быстро создавать тайлы основных картографических слоев для Google Maps. Для этого в программе QGIS был создан растр высокого разрешения, который был экспортирован в формате TIFF и загружен в MapTiler. Затем были выбраны параметры для создания тайлов, включая уровень детализации и формат вывода. Результатом был набор тайлов, который можно было загрузить на сервер Google Maps и использовать в приложениях и сайтах. В результате этих действий был создан растр, который может быть использован для создания высококачественных картографических слоев в программе QGIS и использован в приложениях и сайтах, использующих сервисы Google Maps.

В исследовании были использованы несколько подходящих карт разных веков, а именно карты 1808, [РИС 3]., 1887 [РИС 5]., 1960 [РИС 7]., 1849 [РИС 4]., 1788 [РИС 2]., 1941 [РИС 6]., 1799 [РИС 1]. Стоит двигаться по хронологическому периоду, карта 1788. На данной карте мы видим что имеется изображение Затюменского кладбища, с помощью наложения растра мы соотносим современную карту с используемой нами и получаем примерное местоположение кладбища Затюменского на конец 18 века, а именно район и пересечение улицы Комбинатской, улицы Полярной и возможно стоящего прямо на кладбище ЖК Олимпия. [РИС 1]. Так же на плане изображено кладбище Заречное или Парфёновское, находящееся за озером Алебашево. Однако так как кладбище сохранилось до наших дней, мы можем точнее определить его местоположение и не обращать внимание на неточности которые получаются при привязке растра. Далее растром привязывается следующая карта, за 1799 год. На плане так же заметны три кладбища, Это Затюменское, Заречное и Всехсвятское. Затюменское так же примерно точно совпадает с данными растра, что опять же подтверждает теорию о его местонахождении на выше упомянутых улицах [РИС 2]. Так же растры других

кладбищ, не отличаются точностью координат, однако имеют примерно точное положение.

Карта 1808 года к сожалению делает акцент именно на центр города и его близкие границы, и не фиксирует то что находится за его пределами, и мы не можем точно определить или сопоставить с предыдущими результатами местоположение кладбищ. Карта 1849 года не смогла нормально привязаться к растру, так как изначальный вариант сделан в вертикальной форме и поэтому при привязке происходит растяжение изображения и в итоге получается не корректный формат. Карта 1887 года так же акцентирует своё внимание на схематичное изображение городской черты Тюмени, и не вдаётся в более мелкие и подробные детали. Так же план практически не показывает нам, окружение вокруг города. Однако можно предположить что все кладбища которые были отмечены на предыдущих картах так же отображенный здесь. [РИС 5]

К сожалению карты начала XX в. имеют вертикальную форму изображения и соответственно привязать их к растру и провести анализ не может быть выполнен, так как при такой попытке происходит искажение и деформация изображения. Поэтому следующей картой становится карта 1941 года [РИС 6]. На которой видно о том что Затюменское кладбище ещё существует, и другие сохранившиеся до сегодняшнего времени кладбища стоят на месте. Однако при масштабировании происходят небольшие перекосы, поэтому мы видим что практически все изначально изображенные кладбища не совпадают с данной картой. Карта 1960 года практически приближена к современным картам и поэтому не было испытано проблем при её привязки растру.[РИС 7] На карте видно что Затюменское кладбище уже застроено, изображение есть только у Текутьевского, Парфёновское кладбище на карте не изображено, карта обрывается на Алебашевском озере.

Так же картографический анализ Тюменских кладбищ может представлять большой интерес для исследования исторического развития города. С помощью подробной карты кладбищ можно изучить:

1. Расположение кладбищ по годам их основания;
2. Количество захоронений на каждом кладбище, сравнивая их по временным периодам;
3. Уровень сохранившихся памятников на кладбищах;
4. Распределение участков и мест похорон различных социальных групп и национальностей;
5. Принадлежность памятников к конкретным религиозным традициям.

Такой анализ поможет понять, как менялись устои и культурные традиции города, а также узнать более подробную информацию о жизни и деятельности отдельных личностей, захороненных на этих кладбищах. Кроме того, на основе такого исследования можно создать интерактивную карту Тюменских кладбищ, которая будет полезна для туристов и исследователей истории города.

Для проведения пространственного анализа Текутьевского кладбища в Тюмени можно использовать географические информационные системы (ГИС).

С помощью ГИС можно создать многоуровневые карты кладбища, на которых отобразить информацию о могилах, местах захоронения, дате похорон и других характеристиках. Эти карты могут помочь визуализировать распределение захоронений и определить основные группы могил.

Также для анализа могут быть использованы геостатистические методы, такие как кригинг, которые позволяют предсказать плотность захоронений в определенных областях кладбища на основе имеющихся данных. Кроме того, можно использовать методы геоинформационного моделирования, такие как анализ видимости, чтобы определить, какие могилы на кладбище видны с определенных точек. В целом, проведение пространственного анализа Текутьевского кладбища позволяет получить более полное представление о его структуре, распределении могил и характеристиках захоронений. Это может быть полезно для организации и планирования будущего использования кладбища.

Быстрый рост высотной городской застройки вызвал острую потребность в новых методах описания тенденций и закономерностей этого развития, включая изменения в наборах трехмерных данных временных рядов. Повторное покрытие данными бортового лидара может предоставить точные трехмерные данные, показывающие изменения высоты зданий с течением времени. Интеграция информации, полученной из систем сбора данных дистанционного зондирования, с новыми цифровыми технологиями, такими как приложения на основе ГИС, предоставляет пользователям уникальную возможность интерактивного доступа к величине изменений. Аналогичные показатели могут быть предложены для растительности или комбинации растительности и зданий.

Чтобы помочь в точном картировании кладбища, георадар (GPR) недавно использовался для обнаружения могил, чтобы отметить местоположение обнаруженных могил, которые остались незамеченными или неучтенными из-за неточного картографирования или утерянных / поврежденных записей. Этот процесс ненавязчив и полезен для точного нахождения могил или определения точных размеров кладбища. При необходимости Chronicle предлагает услугу георадарного картографирования кладбищ, но значительно улучшает этот уровень точности с помощью службы аэрофотосъемки и картографирования координат могил. Chronicle отправляет геодезиста на место, где делаются фотографии каждого отдельного участка (включая надгробия и таблички) и накладываются на аэрофотоснимки. Благодаря высокоточному GPS-позиционированию (с точностью координат 2 см) кладбище может точно указать, кто и где похоронен — по доступной цене. Традиционно картографирование кладбищ выполнялось вручную и вручную (на многих кладбищах это до сих пор делается). Известно, что записи хранятся в бумажной книге, а новые участки захоронения или поправки к старым добавляются вручную. Карты участков кладбища рисуются на бумаге, и прилагаются усилия, чтобы бухгалтерская книга и карта участков соответствовали друг другу. Несмотря на то, что можно сохранить точную карту с сопровождающими записями на бумаге, это стало заведомо трудным из-за множества факторов (подробнее об этом в разделе «Проблемы картографирования кладбищ и способы их организации»). Например, по прошествии лет руководство переходит из рук в руки, и новые администраторы ведут дела по-другому. Аннотации пишутся поверх карт, и их может быть трудно расшифровать, что создает сложные ошибки и приводит к тому, что записи не соответствуют их картам.

Эти карты также оказались неточными, давая лишь приблизительное представление о том, где кто-то был похоронен, поэтому посетителям (а также персоналу) не обязательно было так легко найти могилы, которые они ищут.

Цифровое картографирование кладбищ позволило найти новые способы ведения точных записей и решения этих исторических проблем. Теперь процесс создания онлайн-карты кладбища с помощью Chronicle достигает высокого уровня точности без риска усугубления ошибок с течением времени. При оцифровке кладбищ все зависит от того, где находится учреждение на своем пути. Если все по-прежнему делается вручную, Chronicle работает с менеджерами над оцифровкой их записей, прежде чем импортировать их в защищенную базу данных. Как только эти записи будут очищены, насколько это возможно, они будут готовы к сопоставлению и синхронизации с картой графика. Если у кладбища уже есть свои записи в электронной таблице Excel, что часто бывает, они прочесываются, например, для исправления ошибок или дублирования записей. Тем временем с помощью дрона получают изображения высокого качества, а существующие карты используются в качестве эталона. Затем рисуются участки и накладываются поверх подробных аэрофотоснимков кладбища — с точностью, учитывающей каждую могилу и памятник — прежде чем присваиваются идентификаторы участков и сопоставляются с записями.

Если вы больше не хотите, чтобы расшифровка каракулей была частью вашей повседневной жизни, это может быть достаточной причиной для переноса вашего кладбища на интерактивную онлайн-карту. Помимо оптимизации пространства и инвентаря, цифровая карта кладбища дает множество других преимуществ: Платформа цифрового кладбища предлагает многочисленные преимущества для вашего учреждения на многих уровнях. Для администраторов и менеджеров кладбищ оцифровка кладбища на платформе Chronicle упрощает повседневные процессы. Например, задачи, которые раньше казались утомительными, гораздо проще и менее грязно выполнять с помощью эффективной программы картографирования кладбищ. Это особенно заметно, когда редактирование и исправление информации о кладбищенском участке необходимо выполнить только один раз. Правильное

цифровое кладбище дает вам точные и надежные данные и значительно снижает риск ошибок. Во многих муниципалитетах или штатах стран по всему миру теперь требуется, чтобы кладбища соответствовали определенным критериям с точки зрения точности данных, доступности, защиты и безопасности.

Цифровое кладбище с его безопасной облачной платформой соответствует некоторым из самых строгих из этих критериев. Однако точные, достоверные данные, как государственное требование, необходимы не только для соблюдения регулирования. Эффективная, интуитивно понятная цифровая карта кладбища дает вам время и возможность заниматься важными делами — взаимодействовать с вашим сообществом, сохраняя его наследие и делаясь им. Онлайн-кладбище оптимизирует работу вашего кладбища, помогая увеличить продажи участков, привлекает больше людей на ваше кладбище и помогает делиться историей, на которой построено ваше сообщество. Сохраняя истории сообщества в цифровом виде, карта кладбища предлагает безопасное и надежное место для истории людей.

Для правильной проверки хронологической гипотезы, изложенной выше, необходимы инструменты, дающие быстрые и ясно поддающиеся расшифровке результаты. Такие инструменты присутствуют в быстро развивающихся географических информационных системах (ГИС), особенно в их растровом режиме, работающем с так называемыми непрерывными полями (Burrough & McDonnell, 1998). Первым шагом в их применении является создание описательной базы данных сайта, которая содержит информацию о двухмерное положение каждой могилы. Самый простой способ получить предварительное представление о пространственных отношениях внутри кладбища — составить карту распределения отдельных переменных, записанных в описательной базе данных. Такой подход может дать интересные подсказки, способствующие

уточнению ранее постулированных вопросов. Будут представлены всего два примера таких вдохновляющих переменных.

Разработка каждой геопространственной модели проходила в несколько этапов. Во-первых, были отобраны и проанализированы качественные картографические материалы. При подготовке проектов использовались картографические и архивные материалы XVIII – начала и конец XX веков из фондов областных и региональных архивных хранилищ. В основном это был Государственный Архив Тюменской области. Следующим этапом была географическая привязка каждого картографического источника к современной топографической основе и приведение их в единую систему координат. Завершающими этапами работы стали оцифровка карт и планов и создание на их основе баз геоданных. Создание базы геоданных является важным этапом в работе, поскольку позволяет работать с большими массивами данных. База геоданных необходима для структурирования имеющихся позиционных и атрибутивных данных, что облегчает работу с ними. К позиционной информации приписывались растровые и векторные слои карты. В свою очередь слои растровой карты были разделены на картографические материалы и данные дистанционного зондирования Земли, которые использовались в качестве вспомогательного материала для оцифровки, геопривязки и идентификации объектов. Слои векторной карты представляют собой оцифрованные карты, которые включают информацию о следующих классах объектов, зафиксированных в базе геоданных это границы кладбищ в пределах городской застройки.

Атрибутные данные содержат исчерпывающую информацию, полученную из исторических картографических источников и представляет собой картографическую информацию, являющуюся основой географических объектов, позволяющую визуализировать и анализировать данные. База геоданных позволяет создавать вложения, в которых хранится подробная

(негеографическая) информация об объектах культурного наследия. Нажав на объект, пользователь может просмотреть необходимую информацию в QGIS-программе. Результатом исследования явилась разработка геопространственных моделей, содержащих сведения о размещении и расположении кладбищ, некрополей и могильников в XVIII – начале и конце XX века. В приложениях баз геоданных собраны сведения обо всех кладбищах, некрополях и могильниках XVIII – конца XX вв. Адрес, дату возведения, реконструкции и/или даты, связанные с историческими событиями, категорию историко-культурного значения и вид объекта культурного наследия. Кроме того, в приложениях представлены архивные и современные фотографии [Рис. 1]. Базы геоданных позволяют упорядоченно хранить информацию, производить учет и систематизацию объектов культурного наследия, осуществлять пространственный мониторинг. Возможно использование запроса для поиска, довыборки по заданным параметрам и анализа запрашиваемой информации, что важно в связи с ежегодным изменением количества объектов культурного наследия, находящихся под охраной государства.

Эти выборки могут быть полезны в исследовательских целях или в практической деятельности органов исполнительной власти, уполномоченных в сфере охраны культурного наследия. Важно отметить, что ГИС-технологии позволяют изучать наследие городов в их целостности и многообразии, причем не только объекты культурного наследия, но и историко-архитектурную среду: сложившуюся систему вертикалей и пространственных отношений, главные улицы и площади, культурную ландшафт и природная среда. С помощью архивных карт и планов, выведенных на современную топографическую основу, воссоздана карта расположения захоронений в пределах города Тюмени [Рис. 2]. Благодаря наложению архивных картографических источников удалось выявить новые сведения и подтвердить старые, не отраженные в письменных источниках. Были зафиксировали границы кладбищ.

Интеграция исторических карт и планов в ГИС позволила локализовать границы кладбищ, а так же проанализировать исторические линии городского некро пространства для застройки XVIII – начала XX вв.

Сопоставление археологических данных с историческими картами позволяет анализировать и подтверждать достоверность сведений, содержащихся в архивных документах. Сопоставление архивных планов города Тюмени и планов, отражающих реальную градостроительную застройку города, дало возможность рассмотреть возникновение и изменения кладбищ на картах города, а так же возможные решения которые были предприняты градостроителями.

Наличие такой информации теперь помогает отсеивать неудачные градостроительные и проектные решения. Более того, благодаря использованию ГИС мы получили качественно новую информацию, особенно в условиях меняющегося культурного ландшафта из-за активных строительных процессов и антропогенных факторов. Интеграция архивных карт и современной топографии оказалась полезной для фиксации изменения линии кладбищ Тюмени и расположения старинных некрополей в городской черте по причине градостроительных процессов. Наконец, с помощью архивно-картографических источников интегрированы современные топографические, были уточнены периоды строительства, исторические функции многих памятников промышленной архитектуры, в том числе и тех, от которых остались только фундаменты. Таким образом, проведен анализ планов и карт Тюмени с приложением Геоинформационного метода позволили выявить особенности некрополического пространства, определить границы распространения кладбищ, выявить закономерности складывания историко-погребальной среды города, что будет полезно для изучения социально-экономических субъектов его истории.

Кроме того, в рамках ГИС-проектов удалось объединить всю информацию о культурном наследии (памятниках истории, архитектуры, градостроительства) исторических городов, что позволяет осуществлять пространственный анализ и мониторинг объектов культурного наследия, прогнозировать потенциальные риски на основе информации, включенной в базу геоданных. Применение оцифрованных карт облегчает использование исторических картографических источников при решении различных историко-архитектурных задач прикладного качества, учитывая обилие сведений, содержащихся в архивных картах и планах. Поэтому использование проектов ГИС с чертежами, фотографиями и другими историческими данными имеет большое значение для реставрации памятников и сохранения исторической среды. ГИС-технологии как метод цифровой документации являются прекрасным инструментом не только визуализации, но и изучения культурного наследия и истории развития градостроительства, открывая новые возможности для исторических исследований. Использование ГИС для изучения историко-культурного наследия дало возможность подтвердить или опровергнуть устоявшиеся историографические суждения о отношении к некро-пространству в Тюмени. Информация, полученная в результате разработки ГИС-проекта, может быть использована на практике. Цифровые данные могут быть использованы для работы с объектами культурного наследия (для проведения их пространственного анализа, мониторинга и учета), при проведении археологических исследований, изучения и преподавания региональной истории. Соотнесение геопространственных моделей и современных зданий может быть использовано при разработке или корректировке градостроительных регламентов. Будет продолжена работа над проектами создания картографических моделей кладбищ города Тюмени в том числе и в среде XX века с учетом развития советского строительства, в том числе сведения о памятниках находящиеся на территории кладбища, и так же о состоянии современных кладбищ уже за городской чертой.

Кладбища не только играют роль обрядовых мест и мест памяти, так же это возможные места досуга. И городские кладбища хорошо подходят для этой цели. Для более детального рассмотрения данного кейса, стоит обратить внимания на зарубежные аналоги, где такие места превратили в парки отдыха и культурные пространства. Обозначения зонирования определяют и регулируют, какие виды использования разрешены на конкретных участках земли, а также определяют требования и рекомендации по проектированию и развитию. Данные о земном покрове представляют собой важнейший справочный набор данных, который информирует о самых разных мероприятиях по стратегическому планированию. Набор данных South African National Land Cover — отличный ресурс, который предоставляет растры земного покрова в 3 эпохи: 1990 <-> 2014 <-> 2018 в соответствии с лицензией на открытые данные. Мы можем использовать этот набор данных для количественной оценки изменения ландшафта за 25-летний период. Используя простую операцию растровой алгебры с использованием QGIS Raster Calculator, можно определить области неофициальных поселений. Мы можем использовать наборы данных об изменении земного покрова, которые показывают переходы классов между двумя эпохами, чтобы идентифицировать все пиксели, которые перешли из негородского класса в городской класс. Это можно сделать с помощью алгоритма переклассификации по слоям в QGIS, чтобы взять входной многоклассовый растр и преобразовать его в растр с тремя классами, состоящий из незастроенных, существующих и новых застроенных территорий. Полученный слой можно стилизовать, чтобы показать модель роста городов между двумя эпохами. Полезным методом пространственного анализа является определение буферной зоны ограниченного доступа вокруг всех участков, принадлежащих к определенному типу землепользования. Такой анализ можно использовать для установления коридора ограничений в отношении землепользования учреждений для контроля шумового загрязнения или интенсивного движения. Вот пример, в котором используется шейп-файл землепользования для Сан-Франциско, предоставленный порталом открытых

данных DataSF, и устанавливается буферная зона в 100 футов вокруг каждого земельного участка учреждения с использованием инструмента «Буфер» в QGIS со стилем соединения Mitre для прямоугольных буферов. Важно понимать структуру преступности по административным регионам. Вот приложение, которое берет данные статистики преступности и создает картограмму, показывающую распределение уровня преступности в пределах границ полицейских участков. Мы берем шейп-файлы Station Boundaries and Points, предоставленные Южноафриканской полицейской службой (SAPS), и объединяем их с количеством краж со взломом из статистики преступности Южно-Африканской Республики, используя алгоритм соединения атрибутов по таблице в QGIS. Затем мы нормализуем необработанные подсчеты, используя растр данных о населении из WorldPop, используя алгоритм зональной статистики.

В результате получается картограмма уровня преступности. Картирование преступности: принцип и практика: исследовательский отчет и картирование преступности: понимание горячих точек: специальный отчет Национального института юстиции Министерства юстиции США - очень справочные материалы для практиков, работающих в этой области. Хотя материал немного устарел, он глубоко раскрывает тему и дает практические советы, которые по-прежнему актуальны. Мы берем набор данных об ограблениях велосипедов в районе Большого Лондона и определяем районы с высокой преступностью. QGIS может легко создавать такие тепловые карты, используя встроенный модуль визуализации Heatmap для точечных слоев. Мы также увидим, как мы можем исследовать «временное» измерение набора данных и посмотрим, как горячие точки меняются от месяца к месяцу. Это достигается в QGIS с помощью Temporal Controller, который может отображать временные срезы и создавать анимацию. Мы берем таблицу отходов, поступающих на городские мусороперерабатывающие заводы, и шейп-файл полигонов с портала открытых данных города Кейптаун. Мы создаем карту с

пропорциональными символами, показывающую количество отходов, перерабатываемых на каждой свалке, с помощью переопределений, определяемых данными, в QGIS.

Результатом является красивая и информативная визуализация данных, которая также использует функцию легенды размера, определяемого данными, чтобы показать распределение отходов по разным участкам. Продолжая работать с данными об инфраструктуре отходов для города Кейптаун, мы возьмем места расположения объектов по сбору мусора и определим, какие районы города находятся в пределах 15 минут езды. Это позволит нам определить возможности для улучшения предоставления услуг с потенциальными новыми местами. Вычисление области обслуживания выполняется с помощью отличного плагина ORS Tools для QGIS с использованием алгоритма Isochrones From Layer. Мы получаем полигоны, представляющие фактическое время в пути по дорожной сети, вместо более часто используемых круглых буферных зон. Анализ местоположения-распределения используется для определения набора новых объектов таким образом, чтобы стоимость проезда от объектов к зонам спроса была минимизирована, и назначается ближайший объект к каждой точке спроса.

«Стоимость поездки» может включать общее расстояние или время в пути. Мы берем центроиды многоугольника «Удары по сбору мусора» в качестве точек спроса, а местоположения объектов для сбора отходов — в качестве местоположений объектов и оцениваем 2 потенциальных объекта для сбора отходов, чтобы определить, какое из них является оптимальным местом для минимизации общих транспортных расходов для граждан. Сетевой анализ выполняется с помощью алгоритма матрицы расстояний, предоставляемого подключаемым модулем QNEAT3 для QGIS. Многокритериальный анализ наложения — это процесс выбора областей на основе различных атрибутов местоположения.

Мы будем применять методы геообработки на нескольких векторных слоях и найдем места для строительства новых парковок, которые помогут снизить количество краж велосипедов. Используя данные о велосипедной инфраструктуре от Transport for London и лондонских инцидентах с отдельными преступлениями и антиобщественным поведением (ASB) от Police.uk, мы применяем методы многокритериального анализа ГИС, чтобы предложить новую парковку для велосипедов в Вестминстерском районе Лондона, чтобы уменьшить количество краж. Мы используем следующие критерии Предлагаемый район должен находиться в месте кражи велосипедов. Предлагаемая территория должна находиться в пределах 50 метров от велосипедного маршрута. Предлагаемая территория НЕ должна находиться в пределах 50 метров от существующей велосипедной парковки. Используя векторные слои, представляющие каждый критерий, этот анализ выполняется с помощью инструментов «Буфер», «Пересечение» и «Разница» из набора инструментов обработки QGIS. При планировании транзитно-ориентированного развития (TOD) полезным критерием является доступность общественного транспорта. Мы можем применить методы пространственного анализа, чтобы определить, какой процент населения в данном городе живет в непосредственной близости от станций метро. Сначала мы запрашиваем базу данных OpenStreetMap через подключаемый модуль QuickOSM в QGIS, чтобы получить расположение действующих станций метро в городе Бангалор, Индия. Затем мы вычисляем буфер в 1 км и используем алгоритм Зональной статистики из QGIS на сетке населения из WorldPop. Результат нашего анализа показывает, какой процент населения города имеет легкий доступ к системе метро.

Пространственное планирование — это междисциплинарная деятельность, в которой используется структурированный подход к вмешательству в целевые районы путем изучения пространственных моделей, тенденций, роста, интеграции, экономической деятельности, инфраструктуры и

ограничений по всему городу. Ключевыми областями применения ГИС являются Черпая вдохновение из концепции пространственного планирования Йоханнесбурга 2040, мы повторяем анализ пешеходной доступности, используя данные OpenStreetMap и QGIS. Мы используем несколько инструментов из набора инструментов обработки QGIS: пересечение линий, слияние, разделение на отдельные части и удаление дубликатов геометрии. Объединяя эти инструменты в рабочий процесс ГИС, мы строим модель для расчета плотности пересечений улиц. На этом примере участники узнают, как связать различные инструменты для создания типичного рабочего процесса ГИС.

Роль городской зеленой инфраструктуры или городских зеленых зон возрастает в городах в результате роста населения и интенсификации городов. В последние годы пандемия COVID-19 усилила важность открытых пространств для местного населения, которое проводит больше времени в парках и других зеленых насаждениях, доступных в непосредственной близости от их дома. Кладбища, как и городские парки, представляют собой важную часть городской экосистемы, являясь оставшейся полу естественной средой обитания многих видов растений и животных. Однако между кладбищами и общественными парками нет эквивалента: хотя их функции и использование во многих отношениях схожи, можно отметить и специфику. Кладбища являются частью сети городской зеленой инфраструктуры, однако их использование ограничено как по времени, так и по функциям. Хотя использование кладбищ и парков в последние десятилетия сблизилось, тем не менее, между ними существуют значительные различия. Хотя использование кладбищ для отдыха и туризма еще не считается обычным явлением, можно ожидать, что рост «зеленых потребностей» повысит их роль в будущем. Общей статистики о количестве посетителей, посещающих кладбища с целевыми туристическими и рекреационными целями, не имеется.

Ценность кладбищ для туристического сектора заключается как в культурных аспектах, которые они предлагают, так и в растительности и зеленых насаждениях, обрамляющих их физическую реальность, которые могут предложить множество услуг. В двадцатом веке люди начали посещать места, связанные со смертью, из любопытства, а не из-за их философского или духовного подтекста, что положило начало темному туризму. Темный туризм — это акт путешествий и посещения мест, достопримечательностей и выставок, которые связаны с реальной или воссозданной смертью, страданиями или кажущимися жуткими в качестве основной темы. Туристические посещения бывших полей сражений, достопримечательностей наследия рабства, тюрем, кладбищ, конкретных музейных экспозиций, мест Холокоста и мест стихийных бедствий составляют широкую сферу «темного туризма» [Marinkovic, L, 2016].

Кладбищенский туризм (танатуризм) представляет собой специфический подраздел так называемого «темного» туризма, приобретающий все большую популярность [Millán, M.G.D, с. 37-52]. Туристы бродят по могильникам с целью открыть для себя художественное, архитектурное, историческое и живописное наследие, которым часто изобилуют кладбища. Меняющееся восприятие кладбищ от места захоронения к пространству культурного наследия открывает несколько возможностей для туризма. Это позволяет сообществу исследовать разработку продуктов и услуг, которые помогают дестинации получать новый доход, сохраняя при этом свое наследие.

Кладбища — это больше, чем просто места упокоения мертвых; они служат практическим целям, служат историческими маркерами, отражают культурные ценности и впечатляют посетителей своим великолепным дизайном и многим другим. Многие люди находят кладбища особенно интересными по этим и другим причинам. Большинство кладбищ открыты для публики бесплатно, а многие предлагают тематические карты, брошюры, приложения для смартфонов, аудиоэкскурсии или экскурсии с гидом,

посвященные известным могилам, статуям, памятникам, часовням и другим архитектурным сооружениям [Prater, T.]. Сегодня многие туристические путеводители включают кладбища, которые могут привлечь различные группы путешественников и вдохновить на создание новых маршрутов кладбищ.

Одним из 45 европейских культурных маршрутов Совета Европы является Европейский маршрут кладбищ, сертифицированный в 2010 году. В рамках Европейского маршрута кладбищ кладбища рассматриваются как «места жизни», среда, которая, как городское пространство, напрямую связана с историей и культуры сообщества, к которому они принадлежат и где люди могут найти многие из их ссылок [European Cemeteries Route].

Туристическое использование кладбищ в Западной Европе было очевидно уже в начале 2000-х годов. Südwest-Kirchhof в Штансдорфе, в непосредственной близости от Берлина, является одним из первых представителей лесного кладбища в пейзажном стиле и третьим по величине в Германии. Кладбище, которое было почти заброшено в конце Второй мировой войны, было предметом стратегического плана, программы, составленной в начале 2000-х годов ассоциацией защиты кладбища. После признания культурного, исторического и художественного значения кладбища наряду с его природной ценностью, основной задачей было вернуть его в общественное сознание, вводя новые способы использования. Привлечение общественных программ, частые приглашения прессы и широкое распространение информации об уникальных возможностях захоронения привели к тому, что кладбище возродилось. Он стал популярным местом среди берлинцев, как и кладбищенские сады в центре города, которые являются активными элементами инфраструктуры зеленых насаждений в качестве места отдыха. Функция похоронной часовни была расширена за счет культурных функций, таких как конференции, выставки и концерты. На кладбище работают волонтеры и стажеры, которые вносят свой вклад в успех действий за счет

своего обслуживания, исследований и руководящей работы. Администрация кладбища обнаружила и использует возможности, предлагаемые СМИ и Интернетом; регулярно проводятся периодические пресс-конференции о культурно-историческом значении кладбища, его художественных ценностях, текущих событиях и даже рекламный фильм.

С точки зрения туристического использования Центральное кладбище Вены (Zentralfriedhof Wien) является особенно успешным примером. Помимо традиционного использования кладбища для погребения и поминовения, в последние годы был проведен ряд благоустройств с разнообразными целями:

- Организованы концерты классической музыки и рока.
- Были развиты спортивные сооружения, например, на кладбище была устроена беговая дорожка.
- В качестве новых услуг предлагаются прокат электрических велосипедов и поездки в карете.
- Регулярное открытие в ночное время в октябре, чтобы дать посетителям возможность увидеть кладбище в ночное время.
- Предлагаются музыкальные прогулки, сопровождаемые живой музыкой.
- Предлагается курс живописи, где посетители могут создать свой собственный художественный сувенир с кладбища.
- Открыт музей кладбища, где посетители могут узнать об истории кладбища и похороненных на нем известных людях
- Прогулки и лагеря для детей на природе
- У ворот кладбища открылись кафе и сувенирный магазин
- Кладбище также отреагировало на возникающие цифровые потребности; любой желающий может принять участие в самостоятельной прогулке по QR-коду (программа Nearonymus), а при необходимости

посетители могут узнать информацию о доступных местах захоронения из цифровой базы данных. Посетители могут даже открыть цифровую мемориальную ссылку для умершего близкого человека с возможностью хранения поминальных материалов, фото и видео о нем.

Все эти усовершенствования Центрального кладбища Вены проводились в тесном и регулярном сотрудничестве с общественностью, с учетом ее мнений и запросов, к большому удовлетворению жителей Вены, о чем свидетельствует тот факт, что кладбище было удостоено награды как «Лучшее место в Вене» в 2020 году [Friedhöfe Wien]. Таким образом можно видеть что кладбище может использоваться так же как и общественное пространство, однако к сожалению наши городские кладбища не в таком состоянии в котором хотелось бы.

Так же достаточно ярким примером можно привести ситуации с кладбищами в столицах двух скандинавских стран Дании и Норвегии, Копенгагена и Осло соответственно.

Инклюзивные, доступные и зеленые общественные пространства являются ключевым направлением Новой программы развития городов ООН-Хабитат, в которой подчеркивается важнейшая роль этих пространств «в формировании и возрождении здоровых, процветающих и справедливых городов» [Mehaffy et al., 2019, с. 134]. Концепция общественного пространства представляет центральный интерес для городских исследований [Mitchell, , 2017, 503-518]. В этом растущем объеме литературы исследователи изучили различные типы пространств, такие как площади [Whyte, , 1980], парки [Neal et al., , 2015, с. 463-475] и рынки [Watson, с. 1577–1591]. Однако мало что было сделано для изучения кладбищ как общественных мест. В Копенгагене (Дания) и Осло (Норвегия), двух скандинавских городах, кладбища соответствуют двум основным принципам общественного пространства: открытый доступ и

общественное управление. Кроме того, они представляют собой ухоженную парковую среду [Skår et al., Citation, 362-382.], предназначенную для удовлетворения всех потребностей граждан в захоронении и кремации [Кабинет министров Дании, 2020 г.; правительство Норвегии, 1996 г.]. Использование, опыт и развитие кладбищ сильно зависят от контекстуальных аспектов [Nordh et al., 2021; Quinton et al., 2020; Rae, 2021], таких как физические условия, культура и национальные институты, а также глобальные процессы. Исследователи тенденции кладбищ в Австралии и утверждали, что из-за более низкой посещаемости и изменения практики захоронения социальная значимость кладбищ подвергается сомнению. Разные доступные исследования в Скандинавии показали, что основная функция кладбищ — места захоронения и увековечивания памяти — часто взаимодействует с другими функциями [Skår et al., 2018; Wingren, 2013]. На некоторых городских кладбищах в Осло проводятся развлекательные мероприятия, включая прогулки, бег трусцой, выгул собак и пикники [Evensen et al., 76-84]. При исследовании двух норвежских кладбищ [Skår, с. 362-387.], вдохновленный идеями Анри Лефевра, отмечал, что «разнообразное использование этого кладбища можно рассматривать как «право на город», борьбу за «разотчуждение» городского пространства путем присвоения пространства» [Skår с. 377]. В другом исследовании из Скандинавии [Kjøller, 339-348] показал административную неопределенность датских кладбищ, признанных частью зеленой инфраструктуры, но находящихся в ведении церкви в Дании без учета целей управления зеленой инфраструктурой. Норд и Эвенсен [Nordh, с. 87] выявили аналогичную двусмысленность в документах по планированию Осло, Копенгагена и Стокгольма (Швеция). Эти муниципалитеты классифицируют кладбища как зеленую инфраструктуру, но не приписывают им те же качества, что и другим типам общественных зеленых насаждений. Несмотря на различия в размерах и форматах, обе стратегии демонстрируют новое мышление, позволяющее вести интересные дискуссии о роли городских кладбищ как общественных пространств. В этом смысле общественное пространство — это то место, где публика может находиться

(физический доступ) и хочет быть (символический доступ). Доступ к общественному пространству никогда не бывает абсолютным и варьируется в зависимости от места и культуры, что Боднар [Bodnar, с. 209-214] назвал «градуированной публичностью» [Bodnar, с. 209]. В диверсификации скандинавских обществ кладбища открыты для всех, как с точки зрения физического доступа, так и в качестве места захоронения, независимо от религии или культуры. И Осло, и Копенгаген признают ценность общественных пространств и их вклад в общественное здравоохранение, устойчивость, пригодность для жизни, интеграцию и экономическую конкурентоспособность [Carmona., с. 241-259]. Такое внимание к общественным местам на муниципальном уровне вместе с недавними стратегиями, специфическими для кладбищ, делает Осло и Копенгаген богатым поводом для обсуждения кладбищ как особого типа общественного пространства. Кладбища занимают значительную часть зеленых насаждений Осло и Копенгагена. Хотя кладбища часто создавались на окраинах городов, из-за расширения городов многие из них теперь расположены в застроенных районах. Из-за высоких показателей кремации и практики повторного использования могил на кладбищах Осло и Копенгагена (в отличие от многих городов мира) хватает места. На некоторых кладбищах в Копенгагене даже избыток места для захоронения [Grabalov & Nordh, с. 33-54]. Оба города сами управляют своими кладбищами, поэтому муниципалитеты играют ведущую роль в определении и финансировании развития кладбищ. В Осло Лютеранская христианская церковь Норвегии через совет общинной церкви владеет землей кладбищ и несет юридическую ответственность за кладбища; однако в связи с особым расположением управление и техническое обслуживание осуществляется Агентством по кладбищам и захоронениям муниципалитета Осло [Skår., с. 362-368]. Среди норвежских муниципалитетов, где Церковь Норвегии традиционно отвечала за обеспечение и управление кладбищем [Hadders, 2021], Осло является одним из немногих исключений [Van den Breemer, 2021]. Ответственность за управление кладбищами в Копенгагене распределена между подразделениями

муниципального городского оперативного бюро, которое также управляет другими общественными местами. Помимо пяти кладбищ, находящихся в ведении муниципалитета, три могильника принадлежат и управляются лютеранской христианской церковью в Дании, а одно - еврейской общиной. Однако, поскольку эти кладбища не являются частью кладбищенской стратегии Копенгагена, мы не включали их в объем нашего анализа. Кладбища в Осло и Копенгагене предназначены как для захоронения гроба, так и для захоронения праха, а это означает, что нет никакой разницы между кладбищами и садами крематориев, распространенными в других частях Европы [Nordh., 2021]. Национальное законодательство о похоронах [Кабинет министров Дании, 2020; правительство Норвегии, 1996] требует, чтобы все человеческие останки были захоронены на кладбище, за исключением развеивания праха на природе, о котором подали заявки немногие [Høeg, с. 67-83]. Кладбища в обоих городах представляют собой парковую среду с природными компонентами, такими как трава, деревья, цветы и иногда водные объекты. Однако они имеют уникальный характер. Для кладбищ Осло характерны открытые пастбища с рядами одинаковых надгробий, тогда как укромные участки с живыми изгородями вокруг могил типичны для кладбищ Копенгагена. Уровни технического обслуживания, как правило, высоки и ценятся посетителями [Kjøller, 2012; Nordh, 2017]. Недавно оба города разработали стратегии планирования и управления своими кладбищами. Стратегия Копенгагена была принята в 2015 году и заложила основу для развития городского кладбища на следующие 50 лет [Муниципалитет Копенгагена, 2015]. В состав проектной группы, подготовившей стратегию, вошли сотрудники консалтинговой компании и Городского оперативного бюро. Документ основан на этнографическом исследовании [Nielsen & Groes, с. 108-118], в ходе которого авторы стратегии определили пять факторов напряжения, имеющих решающее значение для развития кладбищ. Общественный ресурс/частное место; место для отдыха/место для грусти; место для всех/место для определенных занятий; знакомое место/неизвестное и иногда страшное место; и место вне времени/место трансформации

[Муниципалитет Копенгагена, 2015]. На своих 36 страницах копенгагенская стратегия предоставляет информацию о целях и задачах развития кладбищ, обсуждает пять противоречий и дает общие направления развития каждого из пяти кладбищ. Стратегия Осло, принятая в 2017 году, не имеет таких амбициозных временных рамок и содержит более общие направления управления и планирования кладбищ [Муниципалитет Осло, 2017]. 13-страничный документ организован следующим образом. Во-первых, цели стратегии представлены и связаны с общей перспективой Осло как зеленого, инклюзивного и творческого города с пространством для всех. Во-вторых, стратегия знакомит с историей кладбищ Осло, их современным состоянием и проблемами. В-третьих, в нем обсуждаются функции кладбищ. Наконец, в нем описывается общее видение кладбищ и устанавливаются цели по развитию кладбищ и управлению ими. В другом месте мы определили, что Осло и Копенгаген имеют много общих причин для разработки своих кладбищенских стратегий, в том числе растущий спрос на зеленые городские пространства, рекреационный потенциал кладбищ и растущее разнообразие методов мемориализации [Grabalov & Nordh, с. 36]. Развернув эти случаи дальше, теперь сосредоточимся на будущих траекториях, предлагаемых этими стратегиями. Стратегии лежат в основе эмпирического материала. Лиминальность кладбищ Осло и Копенгагена зависит от напряженности их имущественного статуса, аспектов управления и дизайна, а также фактического использования. Мы нашли несколько примеров такой напряженности. Хотя кладбища общедоступны, на них есть частные могилы. Чтобы еще больше усложнить уравнение, кладбища в Осло принадлежат церкви Норвегии. Споры о том, является ли Церковь Норвегии государственной или частной организацией [Morland, с. 162-169], усложняют отнесение кладбищ к общественным местам. Возможно, что большинство людей могут не замечать, кто является владельцем кладбища, или думать, что владельцем является муниципалитет, потому что он поддерживает пространство. Другая напряженность связана с характером практик мемориализации. Хотя эти практики связаны с личными эмоциями

печали и горя, они принимаются и признаются обществом и общественностью на кладбищах. Через мемориализацию частные воспоминания становятся частью общественной истории. Стратегия Копенгагена открыто признает наличие напряженности, говоря, что кладбища являются «общим культурным, историческим и природным ресурсом, который должен быть доступен для всех, и в то же время личным пространством, связанным с частными потребностями и предпочтениями» [муниципалитет Копенгагена, 2015, р. 8]. Норд и др. (2017) продемонстрировали, что кладбища в Осло дают посетителям возможность побыть в одиночестве и поразмышлять, что является недооцененным качеством в современных городских общественных пространствах. В то же время посетители находятся в одиночестве среди других людей, что отличается от частных пространств, таких как приусадебные участки, и более многолюдных и активных общественных пространств, таких как кафе или библиотеки, где одиночество может сигнализировать об одиночестве. Стратегия Копенгагена признает, что кладбища — это места для всех граждан, но не для всех видов деятельности: «Все типы пользователей должны быть приглашены внутрь, если они ведут себя с уважением к умершим и их родственникам, а основная функция кладбища — место захоронения». [Муниципалитет Копенгагена, 2015, стр. 9]. Такое напряжение подпитывает лимиальность пространства кладбищ и определяет, какими они являются общественными пространствами. В своих принципах хороших общественных пространств Кармона [Carmona, M. 2015, 373-404] утверждал, что «города должны предлагать что-то для всех в нужных местах, а не все для всех повсюду» [Carmona, M. 2015 с. 399–400]. Специализация общественных пространств дает пользователям выбор, но часто требует некоторых ограничений [Franck & Huang, с. 208-219]. Стратегии в Осло и Копенгагене направлены на то, чтобы определить, что кладбища могут предложить гражданам, не уничтожая уникальные характеристики кладбищ. Стратегии могут изменить степень лимиальности кладбищ. Например, стратегия Осло предполагает: «Для повышения безопасности и облегчения использования территорий городской совет будет искать освещение, которое

может улучшить качество территорий, сохраняя при этом достоинство кладбищ» [Муниципалитет Осло, 2017, стр. 11]. Такие меры, вероятно, сделают кладбища более заметными в городской ткани и доступными для людей и, таким образом, уменьшат лиминальность кладбищ. Еще одно усилие — это более сильный подход к коммуникации, который может улучшить символический доступ. Даже если эти две стратегии прямо не обсуждают это, респонденты согласились с важностью коммуникации. В Осло упор делается на изменение знаков, определяющих поведение посетителей, и более активное использование социальных сетей. По словам сотрудника муниципалитета Копенгагена, руководство стремится донести до посетителей правила поведения, как с помощью вывесок, так и с помощью садовников. Более сильные коммуникационные стратегии действуют аналогично расширенному физическому доступу и освещению, уменьшая степень лиминальности кладбищ как общественных мест. Обе стратегии признают основную функцию городских кладбищ как мест захоронения и увековечивания памяти и разработаны таким образом, чтобы развиваться в соответствии с этой функцией: Здесь лежат наши умершие, которые похоронены, здесь можно вспомнить погибших и здесь можно их оплакивать. На кладбище царит атмосфера, которую можно назвать возвышенной. Люди двигаются здесь заметно иначе, чем в других общественных местах. [Муниципалитет Копенгагена, 2015, стр. 6] Работа с эмоциональными и духовными переживаниями требует достойного ухода за кладбищем. Будучи духовно богатыми местами, кладбища требуют временных рамок, отличных от других общественных мест. В то время как стратегия Осло не имеет определенного периода, цель Копенгагена — 50 лет. В этом смысле кладбища могут обеспечить качества, отсутствующие в современных городских культурах, которые изменяют их отношение к смерти и смертности [Walter, 2020] и где смерть и старение часто избегаются. В будущем кладбища могли бы лучше учитывать индивидуальный выбор умерших и скорбящих. По сравнению с частными гробами и могилами в урнах коллективные мемориальные пространства могут восприниматься как более

публичные, где незнакомцы могут разделить поминовение. Норд и др. обнаружили, что кладбища Осло, которые сочетают в себе природу, культуру и историю в сочетании с уважением к умершим и размышлениями над экзистенциальными вопросами, заставляют людей воспринимать их как восстановительную среду. Духовный и восстановительный опыт несколько связаны между собой, так как включают в себя компоненты размышления и созерцания. Стратегии признают восстановительные аспекты кладбищ для публики, хотя и без акцента на скорбящих. Как указано в стратегии, если «спокойствие и покой в городе становятся все более востребованными», кладбища могли бы ответить на вопрос: «Куда у копенгагенцев есть возможность пойти, когда они хотят быть вдали от пульсирующей жизни большого города?» [Муниципалитет Копенгагена, 2015, стр. 13]. Восстановительные аспекты кладбищ описываются метафорой «тихого оазиса» [Муниципалитет Копенгагена, 2015, стр. 25], в котором природа и наследие являются неотъемлемыми элементами. Духовное измерение городских кладбищ трудно определить, и оно может иметь разное значение для разных групп посетителей кладбища. И стратегии, и опрошенные признавали духовную важность кладбищ как мест для размышлений о жизни и смерти и как общественных пространств для личных эмоций и индивидуального выбора. Эти значения взаимосвязаны и вместе демонстрируют, как кладбища могут предоставить жителям Осло и Копенгагена пространство для «поиска священного» [Pargament. 2013, с. 17]. Стратегии, специфичные для кладбищ, дают представление о том, как духовные и, следовательно, неинструментальные аспекты городских мест могут быть сформулированы в практике планирования, к чему Макклимонт призывал планировщиков, сосредоточив внимание на муниципальной духовности. Исторически сложилось так, что национальные церкви в Скандинавии играли важную роль в управлении местами захоронения, обычно построенными вокруг церквей, а на норвежском и датском языках традиционно называемых kirkegård, что буквально означает «кладбище». В то время как в Дании это слово до сих пор используется для обозначения любого типа

могильников, в норвежском языке религиозный нейтральный термин *gravplass*, «могильник», использовался в официальных документах. Однако *kirkegård* по-прежнему широко используется в Норвегии. Хотя лингвистически они связаны с лютеранско-христианскими церквями, кладбища в Норвегии и Дании открыты для всех членов общества. В то время как в Осло и Копенгагене большинство придерживается протестантских традиций, в обоих городах есть специальные отделы для различных религиозных, этнических и других общин. Среди них евреи и мусульмане в обоих городах; Буддисты, католики, православные христиане, атеисты и гомосексуалы в Копенгагене. Разрешение людям проводить практику погребения в соответствии с их верой или традицией соответствует инклюзивному управлению кладбищем и «представляет собой важную часть полноценного гражданства в мультикультурном обществе» [Maddrell, 2021, стр. 685]. Можно задаться вопросом, способствуют ли секции кладбища включению или исключению и обеспечивают ли они чувство принадлежности или ненужной сегрегации. В стратегиях обоих городов упоминается об открытости кладбищ для всех граждан, независимо от веры или неверия, этнической или социальной принадлежности. В противном случае мультикультурное измерение почти полностью исключено из стратегии Осло. В Копенгагене стратегия подчеркивает роль кладбищ как места встречи различных культур и религий: «Вы также получаете возможность узнать, как другие люди и культуры относятся к смерти, и попрощаться со своими умершими — точка зрения, которая часто является табу и трудно говорить об этом на публике» [Муниципалитет Копенгагена, 2015, стр. 13]. Оба муниципалитета стремятся усилить многофункциональный характер городских кладбищ. В стратегии Осло подчеркивается экологическая ценность кладбищ, в частности их влияние на местный климат и биоразнообразие. Кладбища выделяются как часть городской зеленой инфраструктуры, которая имеет долгую историю планирования в Осло [Jørgensen & Thorén, с. 253-280]. Вводя больше функций, стратегия Осло направлена на «более разумное» использование кладбищ [Муниципалитет Осло, 2017, стр. 2].

Это направление включает проект временного озеленения на земле, зарезервированной для будущего расширения кладбища, и установку ульев на действующем кладбище: «Это хороший пример сочетания использования могильников в качестве городских пространств с важными климатическими действиями» [муниципалитет Осло, , стр. 9]. Стратегия Копенгагена больше ориентирована на рекреационное использование кладбищ. Частные и публичные мероприятия, такие как музыкальные концерты, театральные представления, экскурсии с гидом, художественные выставки и свадьбы, не встречаются на кладбищах в Осло, но довольно распространены в Копенгагене. Как видно на примере другого места [Grabalov & Nordh, с. 33-54], наличие развлекательных мероприятий на кладбищах побудило муниципалитеты разработать свои стратегии. Теперь более заметно, что сами стратегии стали драйверами более активного рекреационного использования кладбищ. Стратегия Копенгагена более явно подчеркивает основную функцию кладбищ и необходимость подчинения развития кладбищ этой функции. В стратегии Осло упоминается та же идея, но основное внимание уделяется влиянию кладбищ на адаптацию к изменению климата и смягчение его последствий. Как стратегии, так и другие данные подчеркивают возможные конфликты между различными видами деятельности на кладбищах, стремясь найти баланс между ними. Привлечение большего количества людей и мероприятий на кладбища не всегда считается противоречащим основной функции кладбищ. Копенгагенская стратегия выражает эту взаимодополняемость следующим образом: Для многих пользователей — как отдыхающих, так и скорбящих — важно иметь возможность «уйти» от смерти на кладбище. Им нужно, чтобы смерть была демистифицирована присутствием людей и жизни в этом районе. В противном случае горе может стать всепоглощающим. [Муниципалитет Копенгагена, стр. 9] Стратегия Копенгагена способствует зонированию, которое различает участки для захоронения и захоронения пепла и участки, которые не используются (т.е. больше похожи на парк). Такое разделение должно быть видимым и понятным для посетителей и должно уравнивать более активное использование

кладбищ уважением к печали и горю. По данным муниципалитета Копенгагена выясняется, что даже в рекреационных зонах город хочет сохранить характер кладбища (например, сохранив некоторые памятники наследия), чтобы люди даже через 50 лет знали, что они на кладбище, а не на кладбище-парке.

Чтобы поместить кладбища в спектр восприятия их как пространства, стоит взять за основу аналитическую структуру, состоящую из четырех измерений — лиминального, духовного, мультикультурного и многофункционального, — которые более подробно попробуем рассмотреть в этой части работы. Типовая классификация общественных пространств — мощный аналитический инструмент, демонстрирующий масштабы роли таких пространств в городах [Franck & Huang, с. 208]. Хотя кладбища иногда упоминаются как примеры общественных пространств, положение кладбищ в таких типологиях непоследовательно. В своей комплексной классификации общественных мест относит кладбища к категории общественных открытых пространств с парками, садами, местами общего пользования и городскими лесами. Для Чиоделли и Морони [Chiodelli, F., & Moroni, S. с. 170] кладбища, школы и больницы — это особые общественные места, предназначенные для определенных функций. В этих типологиях кладбища, кажется, находятся между разными категориями, будучи лиминальными пространствами, первым измерением нашей аналитической структуры. Концепция лиминальности описывает пересечение границ: пространства, в которых переплетаются разные миры. В зависимости от объекта исследования лиминальность может операционализироваться по-разному [см., например, Zukin, 1991]. Эта концепция использовалась в исследовании кладбищ Дирингом и Фрэнсисом и др. , который указал что кладбища сочетают в себе реальное, определяемое место с метафорическим местом чистых эмоций и чувств. Мэддрелл [Maddrell, A. с. 170] говорил о кладбище как о месте, которое соединяет скорбящих и умерших. Лиминальность также связана с двусмысленностью плановых документов в отношении рассмотрения кладбищ как части зеленой инфраструктуры [Nordh &

Evensen, 2018, с. 89]. Лиминальность кладбищ заключается не только в их пространственном характере, но и в их способности вмещать сложные смыслы, отличные от других городских пространств. Такая лиминальность помещает кладбища между четкими позициями и статичными формами как в дискурсе публичного пространства, так и в повседневной жизни людей. Лиминальное измерение можно обнаружить в напряженности между различными наборами значений, разыгрываемых на кладбищах. Второе измерение нашей структуры — это духовное пространство. Присутствие смерти выводит духовность, которую мы понимаем как «поиск священного» [Pargament, 2013, с. 17], в физическое пространство. Не погружаясь в дискуссию о взаимосвязи духовности и религии [Pargament, 2013, с. 15], мы считаем религию неотъемлемой частью духовности. Независимо от религиозных взглядов, кладбища вызывают мысли о чем-то большем, чем мы, люди и отдельные личности. Религия и духовность часто отвергаются городскими планировщиками как часть частной сферы, не имеющая отношения к светскому характеру профессии и даже как нечто потенциально вызывающее разногласия [Sandercock, L. с. 94]. Однако религия и духовность имеют важное пространственное значение [Greed, с. 154-162] и могут способствовать общественному здравоохранению [Oman, с.1-16]. Призывая к более активному включению духовных аспектов в практику планирования, Макклимонт предложил концепцию «муниципальной духовности», относящуюся к общественной святости. Духовное измерение взаимосвязано с восстановительными аспектами пространств: духовность может способствовать восприятию среды как восстановительной [Bell, с.123-130], а восстановительная среда может привести к духовным открытиям [Ouellette, P., Kaplan, R., & Kaplan, S., с.175-188]. Кладбище как восстановительная среда исследовалось другими исследователями. Автор указал, что общественное пространство позволяет встречаться с людьми, «чьи социальные взгляды, опыт и принадлежность отличаются». Таким образом, мы можем исследовать кладбище как мультикультурное пространство, третье измерение нашей структуры, которое подчеркивает присутствие в обществе различных

этнических и религиозных групп и их право на позитивное включение. Маданипур утверждал, что общественные места могут способствовать развитию разнообразных и толерантных общественных культур, но с некоторыми проблемами. Исследователи уже занимались проблемами, связанными с кладбищами в мультикультурных обществах и особенно актуален с точки зрения общественного пространства.

Общественные пространства функционально запрограммированы на определенные виды деятельности и поведения, но диапазон действий различается. Хайер и Рейндорп утверждали, что predetermined монофункциональность некоторых пространств (например, торговых центров) не позволяет им стать по-настоящему публичными, даже если они общедоступны. Однако фактическое использование может отличаться от запланированной функциональности: например, некоторые группы воспринимают торговые центры как общественные места. Кладбища можно считать монофункциональными. Они создаются в первую очередь как могильники и места для увековечивания памяти, но выполняют множество второстепенных функций [Evensen, с.76-84; Quinton & Duinker, 2019; Woodthorpe, с. 259-276]. Опираясь на британский контекст, Макклимонт продемонстрировал, что хотя функции кладбищ могут конфликтовать, обычно они мирно сосуществуют. Вудторп [Woodthorpe, К. с. 259–276] описал кладбища как одновременно содержащие разные значения и функции и призвал к целостному изучению такого сложного явления.

В ходе разговоров с жителями нашего города выяснились интересные заметки о их восприятии кладбища в городском пространстве и в их жизни вообще. Например, упоминалось невидимое присутствие, что в других пространствах быть не может «Во всём, что ты видишь, с чем можешь как то взаимодействовать, ты думаешь, что кто-то может наблюдать за тобой» (М.). Часть опрошенных были настроены достаточно позитивно к идеям

преобразовать нынешние городские кладбища в общественные пространства: «Если бы у меня был, кто то из близких родственников там похоронен, например мать или отец, то я смог бы посещать эту могилу в течение следующих лет моей жизни, и наверное я бы хотела ожидать чего-то еще рядом. Кладбище само своим видом напоминают вам, что жизнь коротка и что она закончится одинаково для всех нас. И это хорошо. И особенно в наши дни, когда мы все озабочены только одним сейчас, сейчас, сейчас... так что я думаю, что это даже можно продавать, я думаю, что для этого есть аудитория и в 25, и в 35 лет. [Ж.,]

Данное мнение может быть причиной критики со стороны представителей консервативно настроенных слоёв общества, которые говорят, что «всё там нормально, достаточно всего, может быть почистить, убрать, и всё. Ничего такого не нужно это же кладбище, в конце концов. Это не детская площадка» [М.,] Так же были высказаны мнения за аккуратный компромисс в вопросе о благоустройстве и пространства кладбища: «Летом у нас бывает много людей лежат на траве с одеялами и почти без одежды. А рядом с ними могила будет... Это не очень хорошо, так что тут надо действительно подумать, как всё это совместить правильно, а не смешивать непонятно как. Давать людям возможность, чтобы они могли пить пиво и веселиться, но при этом держаться подальше от людей, у которых есть семейные захоронения.» [М.,]

Однако есть и другие мнения, как заметил один из интервьюируемых, «Некоторые люди могут подумать, что на самом деле довольно забавно и даже интересно, когда дети играют на твоей могиле, а не находятся в каком-то печальном месте» [Ж.,]. Несколько опрошенных местных жителей поделились идеей о необходимости так же ворот на входе и подчеркнули актуальность кладбищенских ворот, которые ограничивают доступ к кладбищам, сигнализируя посетителям, что они входят в особое место. Достаточно часто так же высказывались мнения о привлекательности старых кладбищ в связи с

наличием на них где до сих пор не известных, новых форм захоронения и увековечения памяти, которые предлагаются для ознакомления, могут лучше подходить для различных видов деятельности на кладбищах. Например, часто подчёркивается, что участок кладбища, благодаря своей естественной ориентации, предоставляет больше возможностей для второстепенных функций. Кроме того, по сравнению с традиционными гробовыми могилами, коллективные мемориалы для захоронения урн находят отклик в многофункциональном использовании. Возможные будущие решения предполагают, что в будущем кладбищах будет больше таких участков, что изменит традиционный ландшафт городского кладбища. В ходе анализа можно было наблюдать, как могут измениться четыре измерения (лиминальное, духовное, мультикультурное и многофункциональное) Текутьевского и Заречного кладбищ.

Взяв за основу эмпирический материал, мы теперь можем обсудить и поразмышлять о том, что можно предвидеть в будущем кладбищ нашего города. Во-первых, стоит заметить меры и цели, которые изменят кладбища и, возможно, снизят напряженность внутри них. Эти меры могли бы снизить уровень лиминальности и более активно вовлекать кладбища как в планировочные дискурсы, так и в повседневную жизнь людей. В то же время лиминальность присуща характеру кладбищ и сохранится. Уравновешивание различных аспектов лиминальности является одним из ключевых направлений в развитии кладбищ. Во-вторых, духовное измерение кладбищ, скорее всего, сохранится из-за присутствия смерти. По своей природе кладбища олицетворяют духовность, актив, который требует особого внимания при планировании и управлении. В-третьих, мы ожидаем, что мультикультурный характер населения города Тюмени будет более четко отражаться на кладбищах из-за увеличения иммиграции и общих дебатов о включении и равенстве в практике планирования. Наконец, благодаря стратегиям и, по мнению разговоров с респондентами, многофункциональность городских кладбищ в

нашем городе может увеличиться, поскольку кладбища будут интегрироваться, и выполнять больше функций, включая рекреационные и экологические. Стоит признать препятствия на пути к этому идеалу. Перефразируя понятие Лефевра о праве на город, стоит спросить, кто имеет право на кладбище? Чьи интересы должны стоять на первом месте: скорбящих или других посетителей? Стратегии предполагают некоторые идеи – например, зонирование под разные цели; однако разнообразные исследования показывают, что политики и практики склонны рассматривать разные функции как взаимовыгодные. Действительно, основная функция кладбища, а также правила и ожидания в отношении поведения посетителей формируют определенные условия для других функций. Как и Рагг, возможно стоит утверждать, что право на кладбище должно быть основано на принципах социальной справедливости, обеспечивающих достоинство и культурную чувствительность. Взаимодействие между различными функциями — лишь один из примеров напряженности, разыгрываемой на кладбищах. Будучи действительно лиминальными пространствами, кладбища соединяют личные воспоминания и общественную историю, религиозные и светские сообщества, живых и мертвых. Возвращаясь к нормативному идеалу городской жизни Янга, который «обеспечивает общественные места и форумы, где каждый может говорить и каждый может слушать», стоит утверждать, что городские кладбища могут обладать особыми качествами в качестве таких форумов. Однако, как отметил Маданипур в своем общем обсуждении культуры и толерантности в общественных местах, для достижения такого идеала общественные места — и, появляется мысль что, кладбища — должны быть «форумом для самовыражения, открытия и взаимное признание». В противном случае, вместо того, чтобы сближать людей, кладбища могут сделать обратное и проявить уже существующие в обществе различия и неравенства. Система планирования и управления кладбищем должна функционировать как справедливая и равноправная и восприниматься как таковая всеми сообществами в обществе.

Обязательная поддержка аргумента, высказанный в другом месте [Maddrell 2018, 2021; Nordh 2021], о том, что важно учитывать разнообразие методов утилизации.

Одним из примеров здесь является выделение определенных участков кладбища для религиозных общин. Кроме того, признание кладбищ, в том числе и зелеными насаждениями для рекреационных целей, таких как места, где можно прогуляться или выпить чашку кофе, делает кладбища наиболее публичными, не обязательно теряя при этом их духовную атмосферу. Можно считать, что кладбища могут преуспеть в качестве форумов разнообразия, сохраняя при этом свое особое положение и роль во все более однородной физической городской среде. Как сказал один из интервьюируемых жителей: «Я думаю, что в какой то мере вкладывается новый смысл. Который заключается в том, что я не просто кладу цветы на могилы, но я кладу личные вещи, то, что имеет какой то особый смысл между вами и умершим» [Интервью 8]. Возможно из этого вывода и всей истории следует, что людям нужны более индивидуальные способы борьбы с потерями, и кладбища должны приспособливаться.

Современное состояние и эксплуатация кладбищ города Тюмени является достаточно дискуссионным вопросом. На данный момент в городе сохранились три кладбища это Текутьевское, Заречное (Парфёновское) и небольшой остаток Мысовского кладбища. Все они признаны культурным наследием города, однако при этом имеют не совсем опрятный вид. Однако силами волонтеров и не равнодушных граждан, у которых в том числе похоронены на кладбищах родственники пока что не позволяется полностью запустение и разрушение уникального комплекса некрополей.

Текутьевское кладбище располагающееся в центре города по адресу улица Республики, 96 открыто для посещения. Однако ввиду достаточно

запущенного состояния и отсутствия дорожек между могил в определённые времена года доступ к захоронениям достаточно затруднён. Как говорит об этом один респондент «У меня на этом кладбище родственники похоронены, и я хожу туда на родительский день, ходят в основном конечно люди пожилого возраста, молодых практически нету, ну тех кто к своим приходит. И лучше конечно ходить примерно в конце апреля, начале мая, пока трава небольшая, а то потом крапива по два метра будет, пройти конечно можно, но достаточно проблематично» (М..) Конечно есть места с не сильно разросшейся травой однако таких мест не много, и кладбищу требуется большой уход и постоянный контроль.

Так же стоит вопрос о состоянии памятников и оград, которые в некоторых случаях являются ценными с художественной точки зрения. Отсутствие освещения и достаточной охраны даёт возможность заниматься противоправными действиями на территории кладбища. [Комсомольская правда, 2009]. Не застраховано так же и от пожаров, на кладбище происходили возгорания в 2009 и 2012 годах, когда от подожжённого тополиного пуха загорелись подсобные помещения кладбищенских работников. [Вслух, 2012]. Но не смотря на это есть неподдельный интерес граждан к истории некрополей и судьбам граждан похороненных на них. Не так давно был открыт проект «Мы жили». Это как он называется музей-воспоминаний, в задачи которого сами основатели ставят сбор информации о людях захороненных на Текутьевском кладбище, и на этой основе создать информационное приложение путеводитель по кладбищу. В ходе работы музея были организованы экскурсии по кладбищу, так же был выпущен путеводитель и периодически проходящие субботники с целью уборки территории кладбища.

Примерно такая же ситуация обстоит и с Заречным кладбищем, территория плохо убрана, отсутствуют дорожки между могилами, летом тяжело пройти из-за огромных зарослей травы. Однако люди приходят либо к своим

родственникам, либо просто на могилы, как например уход за могилой ребёнка скончавшегося в конце 19 века, и уход за ним обуславливается чувством сострадания и возможно какими то личными эмоциями. Так же как и с Текутьевским в Заречном проходят экскурсии которые проводят специалисты Музея Тюменских историй.

Мысовское кладбище или точнее то что от него осталось, является собой небольшой угол на самом краю Гагаринского лесо-парка. Оно достаточно ухоженно из-за небольшого количество могил есть возможность обойти их все, так же из-за смешенного характера лесопосадки и преобладания на этом участке хвойной растительности, отсутствует проблема высокой травы и не возможности добраться до каких либо могил. Так же рядом с кладбищем проложена дорожка для пешех и велопрогулок, рядом с ним гуляют семьи, играют дети что добавляет контраста общему пространству.

Остальные кладбища на территории Тюмени были заброшены, снесены и на данный момент на их месте стоит либо частный сектор, либо жилая застройка. Так же всехвятское кладбище было застроено больничным комплексом и на его месте теперь стоит родильный дом со сквером. По этому поводу было проведено исследование Марины Байдуж на предмет потустороннего восприятия этого места посетителями сквера, а так же пациентами больницы. [Байдуж. с. 162-169]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

На основе анализа эмпирического материала из доступных картографических источников мы увидели примеры того, как каждое из четырех аналитических измерений — лиминальное, духовное, мультикультурное и многофункциональное — присутствует в стратегиях городских кладбищ. Кладбища в нашем городе, может и даже в чём то является общественными пространствами в смысле доступа и управления, имеют свои отличительные черты, определяемые их основными функциями как места захоронения и места для поминовения. Как утверждается в другом месте, роль кладбищ в городах, находящихся под давлением уплотнения городской застройки, таких Тюмень, меняется. Меняющиеся условия требуют, чтобы исследователи уделяли особое внимание городским кладбищам и приспособливали новые методы и технологии к ним, чтобы сохранить очевидные характерные черты и актуальность кладбищ. При анализе карт кладбищ города было выделено сопоставление четырех аналитических аспектов и определено, что у кладбищ есть потенциал стать более публичными в будущем. Основываясь на эмпирическом материале, стоит ожидать, что кладбища сохранят свое духовное измерение, но станут менее лиминальными, более многофункциональными и более мультикультурными. Со временем их роль могла стать более разнообразной. Однако не стоит думать что все возможные изменения и траектории, которые могут определить будущее кладбищ Тюмени могут быть выполнены. Проанализированные в ходе исследования данные могут предложить различные варианты будущего, но изменения в обществе и технологиях часто происходят без ориентирования на намерения планирования. Однако сейчас уже происходят позитивные изменения которые могут быть предвестниками ещё больших изменений. Это исследование дает представление о некоторых проблемах, возникающих вокруг выборки скандинавских кладбищ, и может вдохновить планировщиков в других регионах на размышления о различных функциях, которые выполняют кладбища, и о значении, которое они представляют.

В ходе исследования был продемонстрирован потенциал вклада кладбищ в городскую среду в качестве возможных многофункциональных общественных пространств — траектория, которая возможна может быть реализована. Стоит признать преимущества этой идеи, однако надо быть осторожнее на введение новых функций кладбищ с учетом их основного назначения. Идея муниципальной духовности предлагает мощную основу для такой работы и может помочь планировщикам найти правильный язык для включения и формулирования нематериальных ценностей кладбищ, в том числе духовных и религиозных. Открытие планирования для большего признания духовности требует большего, чем добавление еще одного критерия в контрольные списки планировщиков; возможно стоит уделять больше внимания духовным ценностям при планировании и процессах участия в более широком смысле. Способы воплощения и признания духовности кладбищ сильно различаются в зависимости от контекста. Надо поощрять более географически разнообразные исследования, особенно в отношении многокультурных и многофункциональных аспектов, не в последнюю очередь с точки зрения пользователей, которые могут отличаться от взглядов широкой массы граждан. Предлагаемая здесь четырехмерная аналитическая структура может стать отправной точкой для международных исследований. Данная попытка обсудить кладбища как особый тип общественного пространства дает теорию для тонкой и многогранной интерпретации понятия общественного пространства и того, как оно проявляется в современных городах. Хотя исследования долгое время были сосредоточены на социальных и политических аспектах общественного пространства случай с городскими кладбищами демонстрирует, что общественное пространство также может вмещать духовность и способствовать размышлениям и размышлениям — необходимым и часто игнорируемым. качества в современных городах под давлением уплотнения. Этот случай иллюстрирует потребность в разнообразных общественных пространствах и признании различных городских стилей жизни и выбора. Напряженность между различными

значениями, связанными с городскими кладбищами, свойственна не только кладбищам, но и общественному пространству в целом.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

ИСТОЧНИКИ

Архивные материалы

1. Требования городского головы о починке мостов для переправы, отдаче перевоза в ведении городского общества // ГАТО. Ф. И. 2. Оп. 1. Ед. хр. 1081.
2. Дело об изъятии из ведения городского общественного управления всех городских кладбищ и передаче их духовному ведомству // ГАТО. Ф. И. 1. Оп. 1. Ед. хр. 357.
3. Заявление старосты Тюменского Благовещенского собора Барышникова о необходимости заграждения оградой кладбища находящегося за Тюменкой // ГАТО. Ф. И. 1. Оп. 1. Ед. хр. 430.
4. Сведения об исправлении на церковных и других кладбищах оргад и заборов // ГАТО. Ф. И. Оп. 1. Ед. хр. 1085.
5. Дело о борьбе с холерной эпидемией в 1905 году // ГАТО. Ф. И. 1 Оп. 1. Ед. хр. 533.
6. Дело об отводе места для Магометанского кладбища // ГАТО. Ф. И. 1ОП. 1 Ед. хр. 367.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байдуж М. И. «Парк на костях»: мифологизация современного городского пространства в сибирских городах. –Тюмень: Тюменский научный центр СО РАН, 2016. 162-169 с.
2. Буксгевден С. К. Минувшее. Четырнадцать месяцев в Сибири во время революции. Декабрь 1917 — февраль 1919 / С. К. Буксгевден // Жизнь и трагедия Александры Федоровны, императрицы. М.: Лента Книга, Вече, Гриф, 2012. 800 с.

3. Ибрагимова Л.Р., Клюкина А.И. Проблема Текутьевского кладбища. Возможные пути решения на основе мирового опыта. –Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2022. 249-254 с.
4. Иваненко А.С. Прогулки по Тюмени. Тюмень: Слово, 2000. 310 с.
5. Колева Г.Ю. Город и его некрополи. Тюмень: Тюменский государственный университет, 2012. 108-114 с.
6. Колосова И.И., Медведева А.Б. Развитие пространственной среды некрополей г. Тюмени. Томск: Томский государственный архитектурно-строительный университет, 2015. 23-43 с.
7. Копылов В.Е. Окрик памяти: (история тюменского края глазами инженера). Книга первая. Тюмень: Слово, 2000. 336 с.
8. Кубочкин С.Н. Тычковка, Сарай, Потаскуй. Из истории тюменских окраин XIX вв. Тюмень, 2002. 304 с.
9. Лепёхин И. И. Продолжение Дневных записок путешествия доктора и Академии наук адъюнкта Ивана Лепёхина по разным провинциям Российского государства в 1771 году. Часть 3. — СПб., 1780.
10. Матвеева Н. П., Матвеев А. В., Зах В. А. Археологические путешествия по Тюмени и её окрестностям. – Тюмень: ИПОС СО РАН, 1994. – 190 с.
11. Словцов И.Я. Материалы о распределении курганов и городищ в Тобольской губернии. Томск : типо-литография В. В. Михайлова и П. И. Макушина. 1890, 22 с.
12. Талицкая И.А. Материалы к археологической карте Нижнего и Среднего Приобья. // Древняя история Нижнего Приобья. / МИА №35. М.: 1953. С. 242-357.
10. Bell E.L. The Historical Archaeology of Mortuary Behavior-Coffin Hardware from Uxbridge Massachusetts Historical Archaeology, 1990. 24(3). P. 54-78

11. Bell, S. L., Foley, R., Houghton, F., Maddrell, A., & Williams, A. M. . From therapeutic landscapes to healthy spaces, places and practices: A scoping review. *Social Science & Medicine*, 196, 2018, P. 123–130.
12. Bodnar, J. Reclaiming public space. *Urban Studies*, 52(12), 2015, P. 209–214.
13. Brookes, S. “Walking with Anglo-Saxons: Landscapes of the Living and Landscapes of the Dead in Early Anglo-Saxon Kent.” In *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*, edited by S. Semple and H. Williams, Vol.14, 2007. P. 143–153. Oxford: Oxford Committee for Archaeology.
14. Brookes, S. “Walking with Anglo-Saxons: Landscapes of the Living and Landscapes of the Dead in Early Anglo-Saxon Kent.” In *Anglo-Saxon Studies in Archaeology and History*, edited by S. Semple and H. Williams, Vol.14, 2007 P. 143–153. Oxford: Oxford Committee for Archaeology.
15. Brookes, S., B. Buchanan, S. Harrington, and S. Semple. forthcoming. *Placing the Dead: Necrosapes in Early Medieval Britain*.
16. Bradley, R. 1998. *The Significance of Monuments: On the Shaping of Human Experience in Neolithic and Bronze Age Europe*. London: Routledge
17. Bradbury, J., and G. Philip. “Shifting Identities: The Human Corpse and Treatment of the Dead in the Levantine Bronze Age.” In *Engaging with the Dead: Exploring Changing Human Beliefs about Death, Mortality and the Human Body*, edited by J. Bradbury and C. Scarre, 2017, P. 87–106. Oxford: Oxbow Books.
18. Bromberg F.W and Shephard S.J. The Quaker Burying Ground in Alexandria, Virginia A study of Brurial Practices of the Religious Society of Friends, *Historical Archaeology* 40(1), 2006, P. 57-88
19. Carmona, M., Hanssen, G. S., Lamm, B., Nylund, K., Saglie, I.-L., & Tietjen, A. Public space in an age of austerity. *Urban Design International*, 24(4), 2019, P. 241–259.

20. Carmona, M. Re-theorising contemporary public space: A new narrative and a new normative. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 8(4), 2015, P. 373–405.
21. Carver, M. O. H. “Why That? Why There? Why Then? The Politics of Early Medieval Monumentality.” In *Image and Power in the Archaeology of Early Medieval Britain: Essays in Honour of Rosemary Cramp*, edited by H. Hamerow. Oxford: Oxbow Books. 2001, P. 1–22
22. Casey, E. S. *The Fate of Place: A Philosophical Enquiry*. Berkley and Los Angeles: University of California Press. 1997
23. Clarke J.P. Late Eighteenth Century Decorated Headstone at Urney Graveyard Co Louth *Journal of the County Louth Archaeological Society* 16(1), 1965, P. 1-4
24. Cummings, V., and A. Whittle, 2003. “Tombs with a View: Landscape, Monuments and Trees.” *Antiquity* 77: 2003, P. 255–266.
25. Davies, D., and H. Rumble. *Natural Burial: Traditional-Secular Spiritualities and Funeral Innovation*. London: Continuum. 2012
26. Davies, D. J. *Cremation Today and Tomorrow*. Nottingham, England: Alcuin/GROW Books. 1990
27. Davies, D. J. “Theologies of Disposal.” In *Interpreting Death: Christian Theology and Pastoral Practice*, edited by P. C. Jupp and T. Rogers, 1997, P.67–84. London: Cassell.
28. Deetz and Dethlefsen E. N. Some Social Aspects of New England Colonial Mortuary Art, *Memorias of the Society for American Archeology* (25), 1971, P. 30-38
29. Dethlefsen. E and Deetz. J *Death Heads, Cherubs and Willow Trees Experimental Archaeology in Colonial Cemeteries American Antiquity*, 31, (4), 1966, P. 502-510

30. Dethlefsen, E. and Deetz, J. Eighteen Century Cemeteries A Demographic View, *Historical Archaeology*, 1, 1966, P. 40-42
31. Evensen, K. H., Nordh, H., & Skår, M. Everyday use of urban cemeteries: A Norwegian case study. *Landscape and Urban Planning*, 159, 2017, P. 76–84
32. Everett H. Roadside Crosses and Memorial Complexes in Texas, *Folklore*, 111(1), 2000, P. 91-103
33. Elias, N. *The Civilizing Process*. In *Sociogenetic and Pyschogenetic Investigations* edited by E. Dunning, J. Goudsblom and S. Mennell, translated by E. Jephcott. Oxford: Blackwell Publishers Ltd. 1994
34. Francaviglia R.V. The Cemetry as an Evolving Cultural Landscape, *Annals of the Association of American Geographers*, 1971, P. 501-509
35. Franck, K. A., & Huang, T.-S. Types: Descriptive and analytic tools in public space research. In V. Mehta & D. Palazzo (Eds.), *Companion to public space*. 2020. P. 208–219.
36. French, S. The Cemetery as Cultural Institution The Establishment of Mount Auburn and the Rural Cemetry Movement *American Quarterly* 26(1) 1974, P. 37-59.
37. Grabalov, P., & Nordh, H. “Philosophical park”: Cemeteries in the Scandinavian urban context. *Sociální studia/Social Studies*, 17(1), 2020, P. 33–54.
38. Greed, C. Religion and sustainable urban planning: “If you can’t count it, or won’t count it, it doesn’t count”. *Sustainable Development*, 24(3), 2016, P.154–162.
39. Hadders, H. (2021). Hindu urn burial in Norway: An option for the future? *Mortality*, <https://www.tandfonline.com/doi/full/10.1080/13576275.2020.1869708> (дата обращения: 10.04.2023).
40. Heidegger, M. *Being and Time*. Translated by John Macquarrie and Edward Robinson. New York: Harper & Row. 1962

41. Hijjiya J.A. American Gravestones and Attitudes toward Death: A brief History Proceedings of the American Philosophical Society 127(5), 1983, P. 339-363
42. Høeg, I. M. Religious practices in the framework of ash scattering and contact with the dead. In P. Repstad (Ed.), Political religion, everyday religion: Sociological trends. 2019, P. 67–83.
43. Jackson C.O. American Attitudes to Death Journal of American Studies 11(3), 1977, P. 297-312
44. Jørgensen, K., & Thorén, K. H. Planning for a Green Oslo. In P. G. Røe & M. Luccarelli (Eds.), Green Oslo: Visions, planning and discourse. 2012, P. 253–280.
45. Kniffen, G. “North America. In ‘Geographical Record’.” Geographical Review 57 (3): 1967, P. 1967 426–437.
46. Kjølner, C. P. Managing green spaces of the deceased: Characteristics and dynamics of Danish cemetery administrations. Urban Forestry & Urban Greening, 11(3), 2012, P. 339–348.
47. Liebens J 2003 Map and Database Construction for an Historic Cemetery Methods and Applications, Historical Archaeology, 37(4), 2003, P. 56-68.
48. Lippok, F. E. “The Pyre and the Grave: Early Medieval Cremation Burials in the Netherlands, the German Rhineland and Belgium.” World Archaeology 52: 1. 2020.
49. Littleton, J., and H. Allen. “Monumental Landscapes and the Agency of the Dead along the Murray River, Australia.” World Archaeology 52: 1. 2020.
50. Longfield A.K. Some Late 18th and Early 19th Century Irish Tombstones The Journal of the Royal Society of Antiquaries of Ireland 78(2), 1948, P. 170-174
51. Loucon J.C. On the Laying Out, Planting, and Managing of Cemeteries; and on the Improvement of Churchyards, London: Longman, Brown, Green, and Longmans. 1843

52. Maddrell, A. and J. D. Sidaway. "Introduction: Bringing a Spatial Lens to Death, Dying, Mourning and Remembrance." In *Deathscapes. Spaces for Death, Dying, Mourning and Remembrance*, edited by A. Maddrell and J. D. Sidaway, 1–16. Farnham: Ashgate. 2010.
53. Maddrell, A. "Memory, Mourning and Landscape in the Scottish Mountains: Discourses of Wilderness, Gender and Entitlement in Online Debates on Mountainside Memorials." In *Memory Mourning and Landscape*, edited by E. Anderson, A. Maddrell, K. McLoughlin, and A. M. Vincent, Vol. 71, 2010, P.123–145. *At the Interface/Probing the Boundaries*. Leiden: Brill.
54. Margry, P. J., and C. Sánchez-Carretero, eds. *Grassroots Memorials: The Politics of Memorializing Traumatic Death*. New York and Oxford: Berghahn. 2011.
55. Marinkovic, L. Issues of Croatian Touristic Identity in Modern Touristic Trends. *J. Tour. Res. Hosp.* 2016, 5
56. Mehaffy, M. W., Haas, T., & Elmlund, P. Public space in the New Urban Agenda: Research into implementation. *Urban Planning*, 4(2), 2019, P. 134–137.
57. Millán, M.G.D.; Naranjo, L.M.P.; Rojas, R.D.H.; De La Torre, M.G.M.V. Cemetery tourism in southern Spain: An analysis of demand. *Tour. Hosp. Manag.* 2019, 25, 37–52.
58. Mitchell, D. People's Park again: On the end and ends of public space. *Environment and Planning A: Economy and Space*, 49(3), 2017, P. 503–518.
59. McCormack. F and McCormik. F. A group of Tradesmen s Headstones(With Notes on Their Trades and Tools) *Clougher Record* 10(1), 1979, P. 12-22
60. McCormick F. 1976 A group of Eighteenth Century Clougher Headstones *Clougher Record* 9(1) 1976, P. 5-16.
61. McClymont, K. Postsecular planning? The idea of municipal spirituality. *Planning Theory & Practice*, 16(4), 2015, P. 535–554.

62. Morland, E. New relations between state and church in Norway. *European Journal of Theology*, 27(2), 2018, P. 162–169.
63. Muzaini, H. “Necrogeography.” In *International Encyclopedia of Geography*, edited by D. Richardson, N. Castree, M. F. Goodchild, A Kobayashi, W Liu, and R. A. Marston. New York: John Wiley & Sons. 2017
64. Neal, S., Bennett, K., Jones, H., Cochrane, A., & Mohan, G. Multiculture and public parks: Researching super-diversity and attachment in public green space. *Population, Space and Place*, 21(5), 2015, P. 463–475.
65. Nielsen, A. P., & Groes, L. Ethnography inside the walls: Studying the contested space of the cemetery. *Ethnographic Praxis in Industry Conference Proceedings*, 2014(1), 2014. P. 108–118.
66. Nordh, H., & Evensen, K. H. Qualities and functions ascribed to urban cemeteries across the capital cities of Scandinavia. *Urban Forestry & Urban Greening*, 33, 2018, P. 80–91.
67. Nordh, H., House, D., Westendorp, M., Maddrell, A., Wingren, C., Kmec, S., McClymont, K., Jedan, C., Uteng, T. P., Beebeejaun, Y., & Venbrux, E. Rules, norms and local practices – A comparative study exploring disposal practices and facilities in Northern Europe. *OMEGA – Journal of Death and Dying*, 2021. <https://journals.sagepub.com/doi/10.1177/00302228211042138> (дата обращения: 07.04.2023).
68. Oman, D. Elephant in the room: Why spirituality and religion matter for public health. In D. Oman (Ed.), *Why religion and spirituality matter for public health*. Springer. 2018. P. 1-16.
69. Ouellette, P., Kaplan, R., & Kaplan, S. The monastery as a restorative environment. *Journal of Environmental Psychology*, 25(2), 2005, P. 175–188.
70. Pargament, K. I., Mahoney, A., Exline, J. J., Jones, J. W., & Shafranske, E. P. Envisioning an integrative paradigm for the psychology of religion and spirituality. In K. I. Pargament, J. J. Exline, & J. W. Jones (Eds.), *APA handbook of psychology, religion, and spirituality: Vol. 1. Context, theory, and research*. American Psychological Association. 2013, P. 3–19.

71. Pettitt, P. 2015. "Landscapes of the Dead: The Evolution of Human Mortuary Activity from Body to Place in Palaeolithic Europe." In *Settlement, Society and Cognition in Human Evolution: Landscapes in Mind*, edited by F. Coward, R. Hosfield, M. Pope, and E. Wenban-Smith, Cambridge: Cambridge University Press, 2015, P. 258–274.
72. Quinton, J. M., Östberg, J., & Duinker, P. N. The influence of cemetery governance on tree management in urban cemeteries: A case study of Halifax, Canada and Malmö, Sweden. *Landscape and Urban Planning*, 2020, P. 194.
73. Rae, R. A. Cemeteries as public urban green space: Management, funding and form. *Urban Forestry & Urban Greening*, 2021, P. 61.
74. Sandercock, L. Spirituality and the urban professions: The paradox at the heart of planning. *Planning Theory & Practice*, 7(1), 2006, P.65–97.
75. Semple, S. J., S. Harrington, S. Brookes, R. Gowland, and L. Walters. Forthcoming. *People and Place AD 300–800. The Making of the Kingdom of Northumbria*.
76. Semple, S. J., and H. Williams. 2015. "Landmarks of the Dead: Exploring Anglo-Saxon Mortuary Geographies." In *The Material Culture of the Built Environment in the Anglo-Saxon World II*, edited by M. Clegg Hyer and G. Owen Crocker, Liverpool University Press. 2015, P. 137–161.
77. Serres, M. *Statues: Le Livre des fondations*. Paris: François Bourdin. 1987
78. Shephard, J., "The Social Identity of the Individual in Isolated Barrows and Barrow Cemeteries in Anglo-Saxon England." In *Space, Hierarchy and Society. Interdisciplinary Studies in Social Area Analysis*, edited by B. 1979.
79. Shimane, K. 2018. "Social Bonds with the Dead: How Funerals Transformed in the Twentieth and Twenty-first Centuries." *Philosophical Transactions of the Royal Society*. 2018, P. 373.

80. Skår, M., Nordh, H., & Swensen, G. Green urban cemeteries: More than just parks. *Journal of Urbanism: International Research on Placemaking and Urban Sustainability*, 11(3), 2018, P. 362–382.
81. C.Bamham and J.Kingsbury, Oxford: British Archaeological Reports. P. 47–79.
82. Tilley, C. *A Phenomenology of Landscape: Paths, Places and Monuments*. Oxford: Berg. 1994
83. Tilley, C. *The Materiality of Stone: Explorations in Landscape Phenomenology*. Oxford:Berg. 2004
84. Van der Noort, R. “The Context of Early Medieval Barrows in Western Europe.” *Antiquity* 67 (254): 1993, P. 66–73.
85. Van Leusen, M. 2004. “Visibility and the Landscape: An Exploration of GIS Modelling Techniques.” In *Enter the Past. The E-way into the Four Dimensions of Cultural Heritage*, edited by K. Fischer Ausserer, W. Börner, M. Goriany, L. Karlhuber-Vöckl, and CD-Rom, BAR International Series, Oxford: Archaeopress. 2004, P. 1227.
86. Walter, T. *Death in the modern world*. SAGE. 2020.
87. Wheatley, D. “Cumulative Viewshed Analysis: A GIS-based Method for Investigating Intervisibility, and Its Archaeological Application.” In *Archaeology and Geographical Information Systems*, edited by G. Lock and Z. Stančič, London: Taylor & Francis. 1995, P. 171–186.
88. Wheatley, D., and M. Gillings. *Spatial Technology and Archaeology: The Archaeological Applications of GIS*. London: Taylor & Francis 2002.
89. Whyte, W. H. *The social life of small urban spaces*. 1980, P.26.
90. Wilkinson, T. J. *Landscapes of the near East*. Tuscon: University of Arizona Press. 2003.
91. Williams, H. M. 1998. “Monuments and the past in Early Anglo-Saxon England.” *World Archaeology* 30 (1): 1998, P. 90–108.

92. Williams, H. M. *Death and Memory in Early Medieval Britain*. Cambridge: Cambridge University Press. 2006.
93. Wingren, C. Place-making strategies in multicultural Swedish cemeteries: The cases of “Östra kyrkogården” in Malmö and Järva common. *Mortality*, 18(2), 2013, P. 151–172.
94. Woodthorpe, K. Sustaining the contemporary cemetery: Implementing policy alongside conflicting perspectives and purpose. *Mortality*, 16(3), 2011, P. 259–276.
95. Zukin, S. *Landscapes of power: From Detroit to Disney World*. University of California Press. 1991.

Интернет ресурсы

1. <http://www.etomesto.ru/> - собрание карт Тюмени различных временных отрезков (дата обращения: 24.02.2023).
2. <https://vk.com/tekutevskoye> - музей воспоминаний «Мы жили» Тюмень. (дата обращения: 21.02.2023).
3. https://vk.com/tyumen_istorii - музей Тюменских историй. (дата обращения: 20.02.2023).
4. Copenhagen municipality. (n.d.). Terapihaven [The therapeutic garden]. <https://www.kk.dk/terapihave>
5. European Cemeteries Route. Available online: <https://www.coe.int/en/web/cultural-routes/the-european-cemeteries-route>
6. Friedhöfe Wien: www.friedhoefewien.at
7. Prater, T. Cemetery Tourism—A New Trend? <https://travelinspiredliving.com/cemetery-tourism-new-trend/>
8. Norwegian government. (1996). Lov om ravplasser, kremasjon og gravferd (gravferdsloven) [The Act on cemeteries, cremation and burials (The Funeral Act)]. <https://lovdata.no/dokument/NL/lov/1996-06-07-32>
9. Улица П. А. Плахина – человека и парохода. <http://safe-rgs.ru/2248-ulica-pa-plahina-cheloveka-i-parohoda.html> (дата обращения: 15.08.2022).

10. Сайт городского отделения газеты «Комсомольская правда».

<https://www.tumen.kp.ru/daily/24312/506019/>

11. Сайт новостного портала «Вслух».

https://vsluh.ru/novosti/proisshestiya/pozhar-v-tsentre-tyumeni-na-tekutevskom-kladbishche-sgoreli-sklady-s-grobami_237999/

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

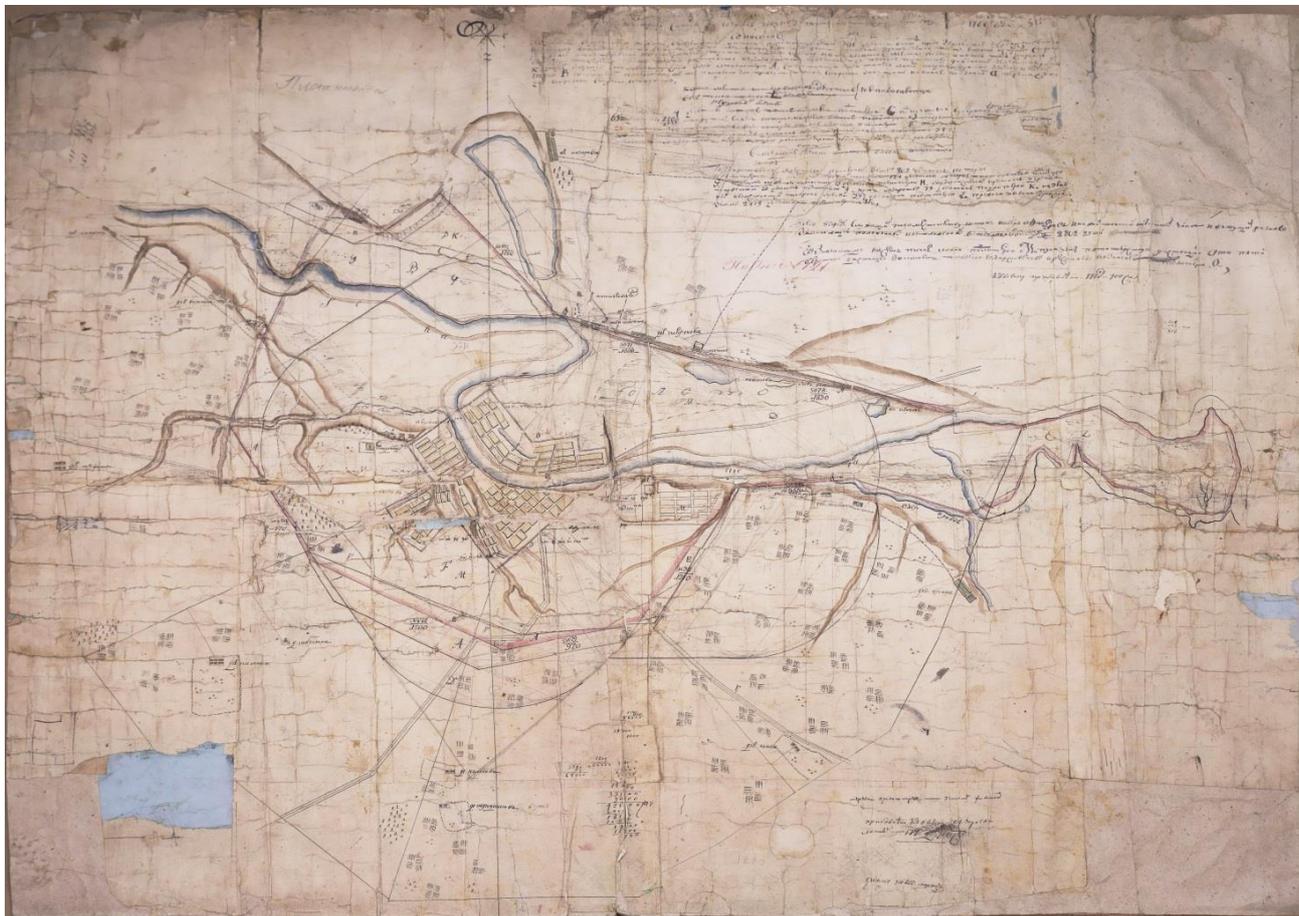

Рис 1. План Тюмени 1788 года. http://www.etomesto.ru/map-tumen_1788/ (дата обращения: 11.01.2023).

Рис 2. Карта уездного города Тюмени 1799 года. http://www.etomesto.ru/map-tumen_1799/ (дата обращения 13.01.2023).

Рис 4. План города Тюмени 1849 года. http://www.etomesto.ru/map-tumen_1849/
(дата обращения: 21.02.2023)

Рис 5. План генерального межевания земель города Тюмени 1887 года.

http://www.etomesto.ru/map-tumen_1887/ (дата обращения: 01.02.2023).

Рис 6. Карта города Тюмени 1917 года. http://www.etomesto.ru/map-tumen_1917/
(дата обращения 24.01.2023).

Рис 7. Схематический план города Тюмени 1941 года.

http://www.etomesto.ru/map-tumen_1941-shema/ (дата обращения: 24.01.2023)

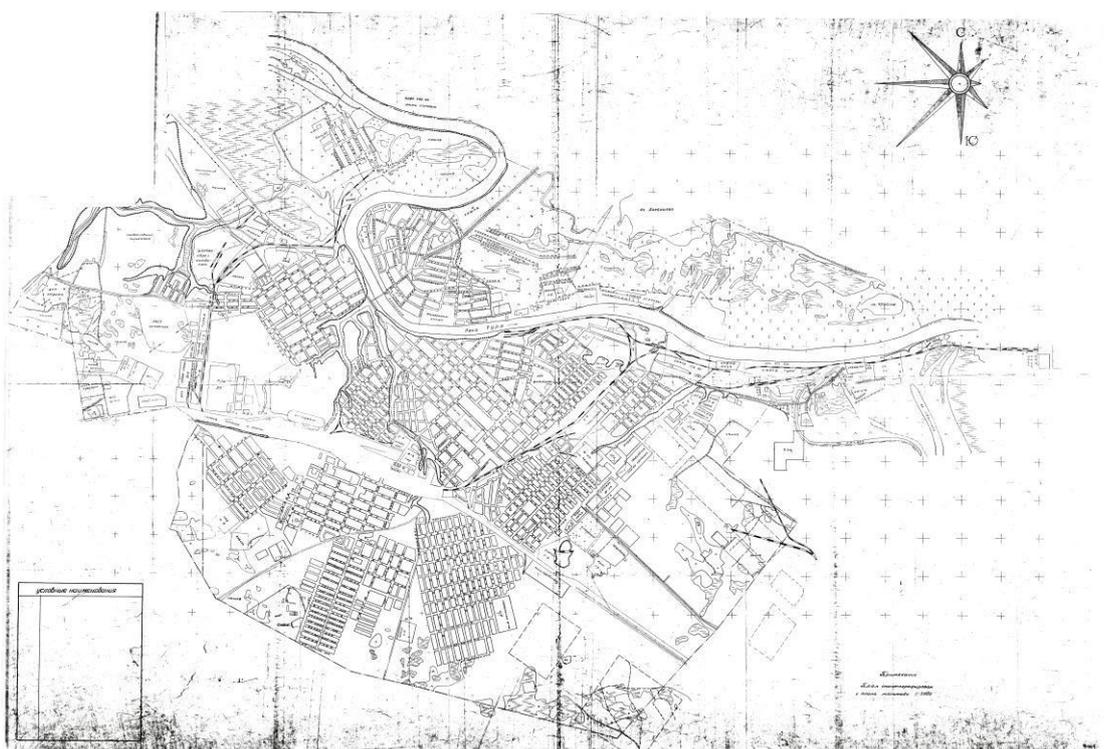

Рис 8. Карта Тюмени 1960. http://www.etomesto.ru/map-tumen_1960/ (дата обращения: 14.11.2022).

Рис 9. Растр карты города Тюмени 1799 года.

Рис 10. Растр карты города Тюмени 1808 года.

Рис 11. Растр карты города Тюмени 1887 года.

Рис 12. Растр карты города Тюмени 1941 года.

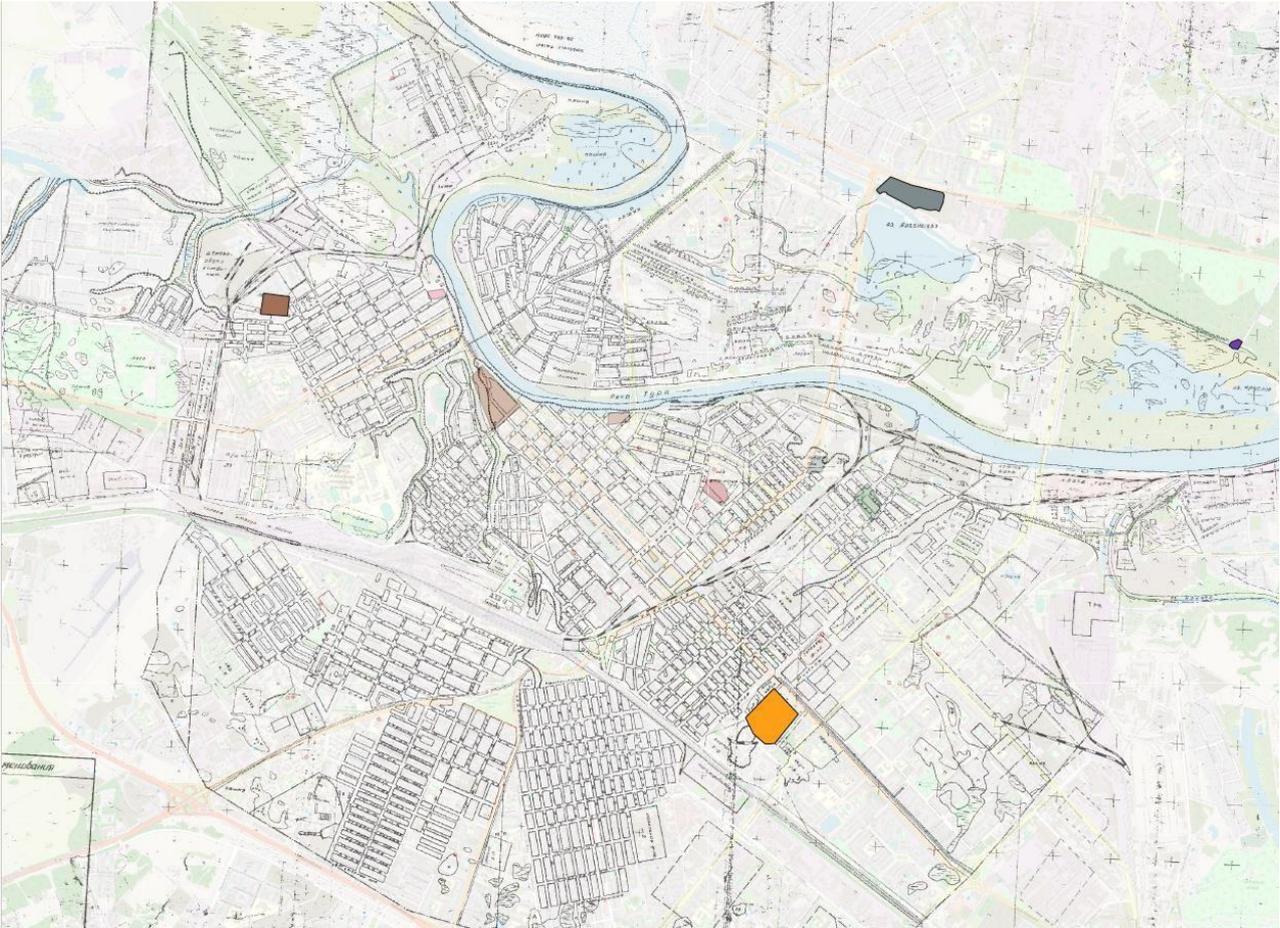

Рис 13. Растр карты города Тюмени 1960 года.